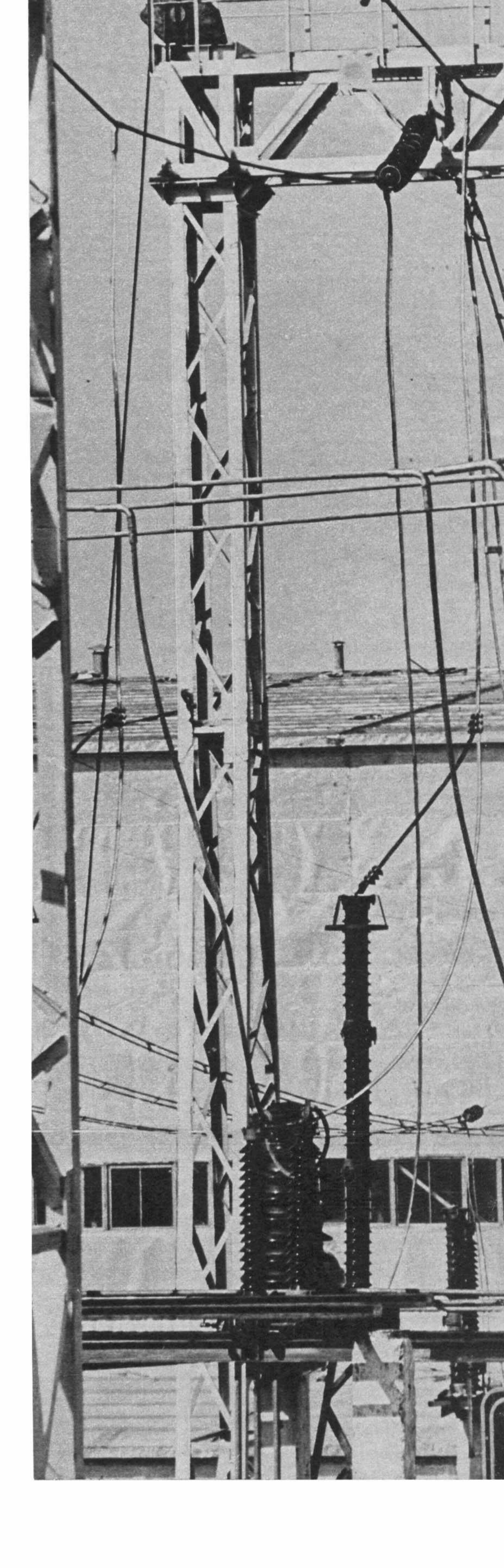

СВЕРКАЙ, ЦВЕТИ, СЕСТРА ЯКУТИЯ, — КРАЙ АЛМАЗОВ, ЗОЛОТА, ПРИПОЛЯРНЫХ САДОВ!

СЕГОДНЯ «ОГОНЕК» РАССКАЗЫВАЕТ О 50-ЛЕТИИ СЕВЕРНОЙ РЕСПУБЛИКИ

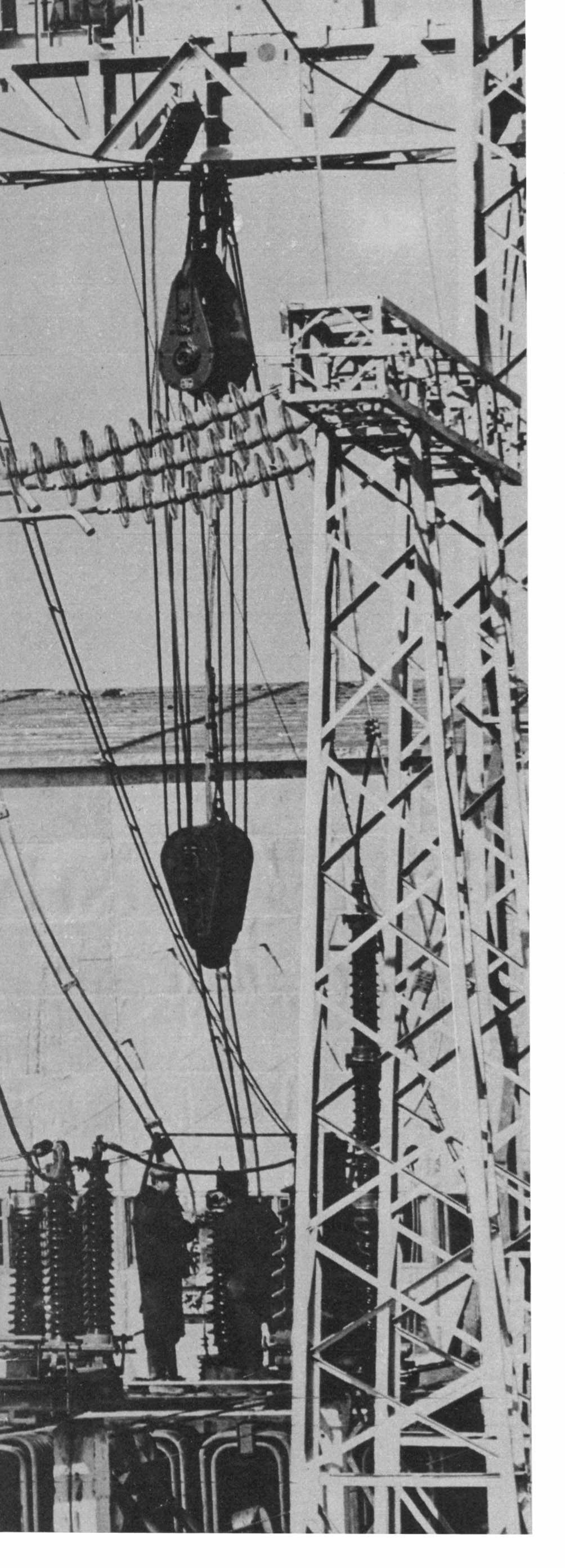
На просторах Якутии популярен и такой вид транспорта.

В СЕМЬЕ БОЛЬШ

ЯКУТСКОЙ АССР — 50 ЛЕТ

МНОГОНАЦИОН

Молодые ученые якутского Института физико-технических проблем Севера.

Фото корреспондента журнала ГДР «Фрайе Вельт» А. ПАСКОВИАКА.

ОЙ,
АЛЬНОЙ

Г. И. ЧИРЯЕВ,
первый секретарь
Якутского обкома КПСС

Интервью «Огонька»

Вопрос. В дни юбилеев принято подводить итоги. Поэтому традиционный вопрос: какими достижениями отмечает Якутская АССР свое пятидесятилетие?

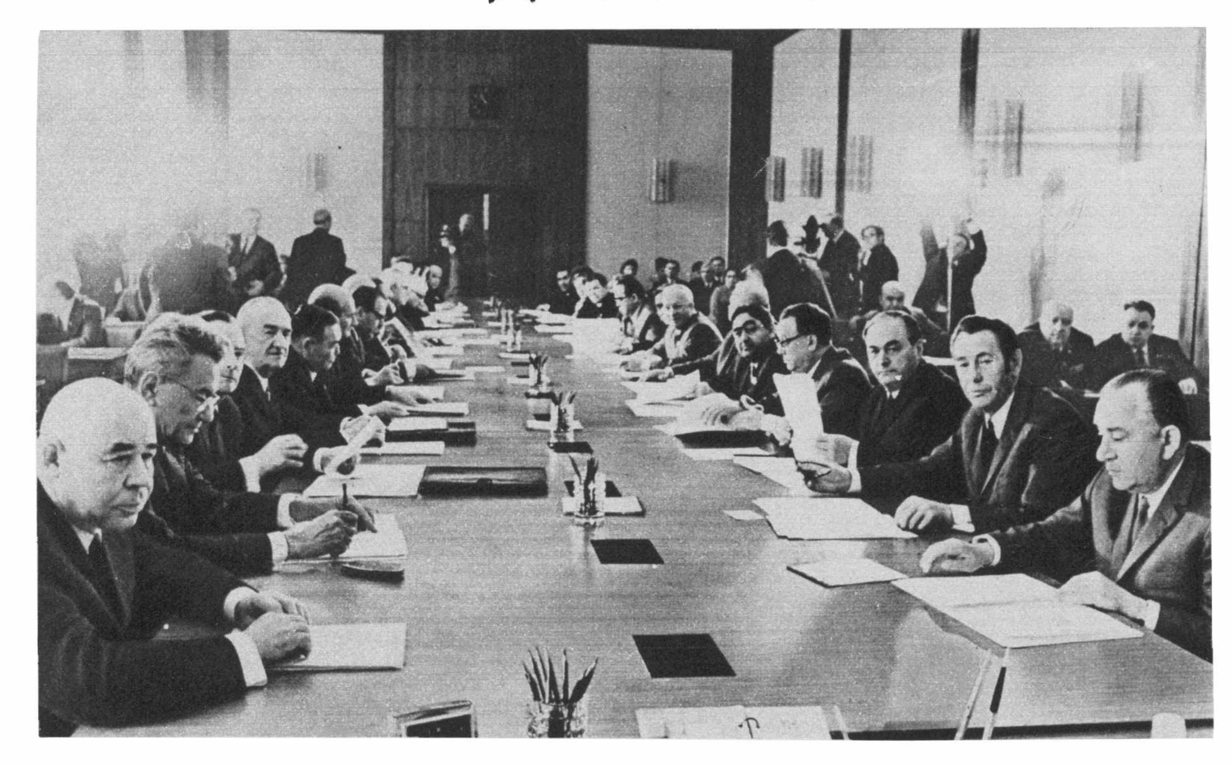
Ответ. Прежде всего хочу заметить: трудящиеся Якутии рады, что юбилей их республики в этом году совпал со всенародным праздником дружбы народов нашей страны — с 50-летием образования Советского Союза. И пятидесятилетие своей автономии мы рассматриваем как этап подготовки к великому празднику всего советского народа.

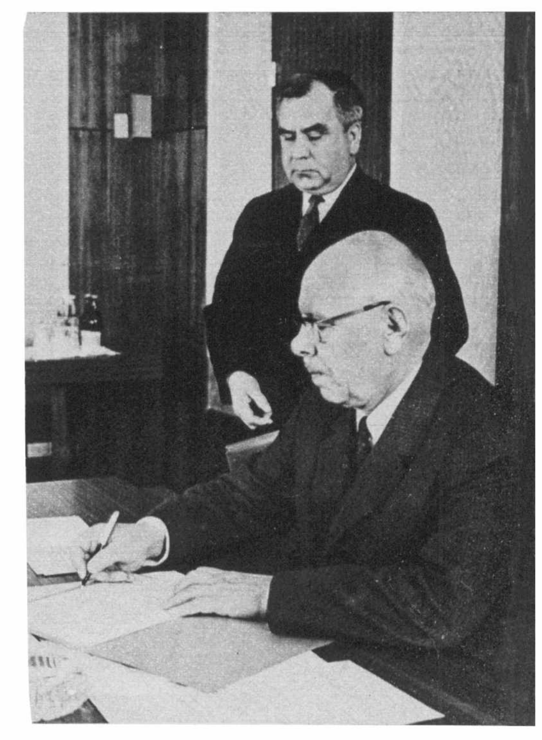
На своем опыте трудящиеся нашей республики убедились, какие богатые плоды дало создание Союза ССР. Только благодаря последовательному осуществлению мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, благодаря бескорыстной братской помощи великого русского и других народов нашей Родины Якутия из отсталой окраины царской России превратилась в республику с высокоразвитой промышленностью, социалистическим сельским хозяйством, передовой наукой и культурой.

1 апреля 1921 года «Правда» опубликовала статью «В Якутской области». Были в ней такие строки: «Рабочего населения очень мало. Имеются лишь рабочие водного транспорта, затем рабочие, обслуживающие городские и государственные предприятия (электрическая станция, ти-

Продолжение см. на стр. 6—7.

ДОГОВОР РАТИФИЦИРОВАН

МИР ПО ДУГЛАС-

Недавно в Лондоне на сессии совета военного блока СЕНТО выступил министр иностранных дел Англии Дуглас-Хьюм. Его речь была выдержана в духе «холодной войны», антисоветизма и антикоммунизма. Призывая «противостоять» коммунизму, руководитель британского Форин-офиса закончил свою речь словами: «К сожалению, до мира, в котором царят мир и стабильность, все еще, по-видимому, очень далеко».

Богатейший землевладелец и аристократ, бывший личный парламентский секретарь Чемберлена, узаконившего мюнхенский сговор, который привел человечество ко второй мировой войне, Дуглас-Хьюм еще в 1962 году, давая интервью газете «Обсервер», с умилением расхваливал своего шефа за то, что тот видел в коммунизме «главную и долгосрочную угрозу».

Давайте посмотрим, как выглядит мир по Дуглас-Хьюму.

1 Медленно, молчаливо движется похоронная процессия в Дерри (Северная Ирландия). Ее участники несут кресты, которые будут установлены на могилах граждан, павших от пуль английских оккупантов. Каждый крест — безвременно угасшая жизнь,— суровое обвинение британскому империализму.

2 Сколько бы вы ни посылали в Ольстер, господин Дуглас-Хьюм, британских солдат, вам все же не удастся подавить волю населения Северной Ирландии к свободе и демократии. Ни на день не утихает сопротивление граждан Ольстера, которые провозглашают: «Свобода, а не тирания».

3 А это уже не Ольстер, а Лондон. Так в столице Англии полиция жестоко расправляется с участниками демонстраций, требующих от консервативного правительства покончить с растущей нищетой, бесправием и безработицей в стране. Количество англичан, оставшихся без работы, уже приближается к одному миллиону. Что вы сделали для них, господин Дуглас-Хьюм?

4 А это Южная Родезия. Лондонские тори, опираясь на режим Яна Смита в Южной Родезии, проводят в этой стране политику расизма — одного из самых позорных явлений современности. На 5-миллионное африканское население Южной Родезии обрушивается каскад жестокостей и репрессий, расового угнетения.

Действительно, господин Дуглас-Хьюм, если на нашей планете будут существовать подобные методы в общении с другими народами и народом собственной страны, то до мира, в котором «царят мир и стабильность», еще «очень далеко».

Ю. СВЕРДЛОВ
Фото ЮПИ.

1

2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2347)

24 ИЮНЯ 1972

В Кремле 13 июня состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, которое вел Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. Президиум рассмотрел вопрос о ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ираком. На заседании выступили: член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев, заместитель председателя Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей, первый секретарь ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкус, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и другие.

Была выражена единодушная поддержка ратификации договора. Итоги обсуждения подвел Н. В. Подгорный, который огласил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой. Указ был принят единогласно. Н. В. Подгорный подписал Указ и ратификационную грамоту.

На снимке: во время подписания документа.

Фото В. Соболева (ТАСС).

3

4

НАШ ВЗГЛЯД

СОСУЩЕСТВОВАТЬ — ЗНАЧИТ СОТРУДНИЧАТЬ

Даниил КРАМИНОВ

В течение последних лет, особенно после XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза, утвердившего выдвинутую Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС Программу мира, отношения между странами, принадлежащими к различным общественным системам, все более активно строятся на основах мирного сосуществования. Благодаря настойчивым усилиям Советского Союза, других социалистических стран удалось нормализовать обстановку в самом центре Европы, где не только проходит граница, отделяющая социалистический мир от капиталистического, но и противостоят друг другу мощные вооруженные силы НАТО и стран Варшавского Договора. В результате долгих и сложных переговоров между державами-победительницами было достигнуто соглашение, которое позволяет превратить Западный Берлин, бывший все послевоенные годы очагом трений и конфликтов, вызывавших напряженность в Европе и во всем мире, в город потенциального сотрудничества. Передав практическое осуществление этого соглашения обоим германским государствам, державы-победительницы признали тем самым существование как Федеративной Республики Германии, так и Германской Демократической Республики. Также после долгих усилий были заключены и наконец ратифицированы во второй половине мая договоры ФРГ с Советским Союзом и Польшей. Они знаменательны не только тем, что в них наряду с отказом от применения силы или угрозы ее применения зафиксировано признание границ, возникших в Европе в итоге второй мировой войны, но и тем, что воплощают идею мирного сосуществования, открывая благодатные возможности широкого и разностороннего сотрудничества между ФРГ и ее социалистическими соседями.

Еще раньше конкретные и взаимовыгодные, а также полезные для дела мира отношения удалось создать между Советским Союзом и Францией. Принципы сотрудничества, подписанные осенью прошлого года в Париже президентом Жоржем Помпиду и Л. И. Брежневым, постепенно претворяются в жизнь, убедительно доказывая, что страны с различным общественным строем могут благотворно сотрудничать не только в экономической области, но и в достижении важных политических целей. Обе страны активно добиваются политического урегулирования в Индокитае и на Ближнем Востоке с учетом интересов народов, ставших жертвой агрессии. Обе страны стоят за скорейший созыв общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества и содействуют началу подготовки к нему на многосторонней основе. Недавний визит во Францию министра иностранных дел СССР А. А. Громыко привел к дальнейшему укреплению франко-советского сотрудничества.

Наиболее показательным признанием успеха политики мирного сосуществования стали визит в Советский Союз президента США Никсона, советско-американские переговоры и соглашения, заключенные между двумя странами.

Возрастающая мощь и авторитет Советского Союза, всего социалистического содружества убедили даже самых закоренелых антисоветчиков и антикоммунистов, что в нынешней обстановке, когда международная изоляция США переплетается с серьезными экономическими трудностями и внутриполитическими осложнениями, разумно и целесообразно «взять на вооружение» политику мирного сосуществования. Подписанные в Москве американо-советские соглашения касаются многих областей — от сотрудничества в мирном освоении космического пространства до ограничения ядерных вооружений,— одинаково выгодны как Советскому Союзу, так и США. Средства, сэкономленные в результате сокращения военных расходов, пойдут в Советском Союзе на мирные цели; в США вокруг этого развернулась ожесточенная борьба: военно-промышленный комплекс решительно противится попыткам отнять у него этот кусок государственного пирога. И хотя исход этой борьбы неизвестен, общественное мнение США одобряет намерение здравомыслящих кругов задержать гонку вооружений и облегчить бремя военных расходов.

Радующие успехи политики мирного сосуществования благотворно влияют на обстановку в мире, и ныне лишь заядлые поборники «холодной войны» пытаются помешать разрядке напряженности как в Европе, так и в других районах мира. Хотя их побуждения продиктованы корыстными расчетами — ведь за продолжение напряженности стоят военно-промышленные корпорации, милитаристы и западногерманские реваншисты,— они пытаются рядиться в «идейные одежды», требуя, чтобы социалистические страны примирились с существованием капитализма как системы, прекратили идеологическую борьбу, отказались от пропаганды коммунизма как прогрессивного общественного строя, призванного самой историей сменить капиталистический строй. Наиболее откровенные или оголтелые сторонники «идеологического сосуществования» идут дальше: фальшиво ставя знак равенства между мирным сосуществованием и сожительством классов, они требуют прекращения классовой борьбы и гарантий сохранения капиталистами их богатств, привилегий, власти, то есть господства. Под ширмой «идеологического мира» в сочетании со «свободой передвижения идей и людей» фактически кроется старая, правда, сильно «модернизированная», даллесовская мечта об «отбрасывании коммунизма» хотя и не военными, а пропагандистскими, идеологическими средствами.

Мечта была безнадежной и опасной во времена Даллеса. В наше время она безнадежна и бессмысленна: ход истории не остановить ни военной силой, ни пропагандистскими трюками.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Народы Болгарии и Советского Союза, коммунисты всех стран мира, сторонники социализма и прогресса широко отмечают 90-летие со дня рождения Георгия Димитрова, выдающегося революционера-ленинца, интернационалиста, большого и верного друга Страны Советов.

Георгий Димитров считал СССР своей второй родиной, и советские люди, отвечавшие ему глубоким уважением и любовью, свято хранят память о великом сыне болгарского народа. Город Мелекесс переименован в Димитровград. Именем Димитрова названы один из районов Костромы, предприятия, колхозы, пароходы, улицы...

16 июня в Колонном зале Дома союзов состоялось собрание общественности столицы, посвященное 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова. Сюда собрались рабочие московских предприятий, представители интеллигенции, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники, ветераны революционного движения, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, труженики Подмосковья.

В президиуме — товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР С. Б. Ниязбеков, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе и другие советские официальные лица, представители общественности. В президиуме также член Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии Тодор Павлов, член ЦК БКП, первый заместитель председателя Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Карло Луканов, член ЦК БКП, посол НРБ в СССР Стоян Гюров, соратники Г. Димитрова.

Собрание открыла секретарь МГК КПСС Р. Ф. Дементьева. С докладом «Георгий Димитров — пламенный революционер-ленинец, выдающийся деятель коммунистического и рабочего движения» выступил член Политбюро ЦК КПСС А. Я. Пельше.

Затем выступил посол Народной Республики Болгарии в Советском Союзе Стоян Гюров. Он передал глубокую признательность Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству за организацию чествования Георгия Димитрова по всей советской земле.

В тот же день на улице Димитрова состоялся многолюдный митинг в честь открытия памятника пламенному революционеру. Памятник открывают член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, член Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии Тодор Павлов и член ЦК БКП, посол НРБ в СССР Стоян Гюров.

Скульпторы К. М. Мерабишвили и М. К. Мерабишвили вместе с архитектором Р. Н. Гвоздевым запечатлели образ Димитрова-трибуна, обращающегося к народу со страстным революционным словом.

Памятник, который советский народ воздвиг Георгию Димитрову,— вечный символ борьбы народов за мир, демократию, национальное освобождение, за социализм и коммунизм.

Памятник Георгию Димитрову.
Фото А. Гостева.

ПАМЯТИ ПЛАМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Фото А. Пахомова.

НАДЕЖНЫЙ ПОМОЩНИК ПАРТИИ

20 июня в Большом Кремлевском дворце начал свою работу VI съезд Всесоюзного общества «Знание». Съезд собрался, чтобы подвести итоги работы, проделанной за последние четыре года, обсудить задачи, поставленные XXIV съездом КПСС, обменяться опытом подготовки к 50-летию образования СССР.

Как отмечается в приветствии ЦК КПСС в адрес съезда, общество «Знание» является надежным помощником партии в коммунистическом воспитании трудящихся. В его рядах объединены 2,5 миллиона работников науки, культуры и искусства, специалистов различных отраслей народного хозяйства, передовиков и новаторов производства.

Съезд открыл председатель правления Всесоюзного общества «Знание» академик И. И. Артоболевский. Собравшиеся тепло встретили товарищей В. В. Гришина, М. А. Суслова, П. Н. Демичева.

Тепло встреченный делегатами и гостями съезда, с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Товарищ М. А. Суслов по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил Всесоюзному обществу «Знание» орден Ленина, поздравил всех членов общества с высокой правительственной наградой и пожелал им новых творческих успехов в борьбе за великое дело коммунизма.

С отчетным докладом выступил председатель правления Всесоюзного общества «Знание» академик И. И. Артоболевский.

НА СНИМКЕ: член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов прикрепляет орден Ленина к знамени Всесоюзного общества «Знание».

СОРОК ФЛАГОВ В РАБАТЕ

Марокканская столица почти ровесница нашей Москве. Она основана в 1150 году султаном Абд аль-Мумином. Он поднял над построенной здесь крепостью свой флаг. Было время, когда над Рабатом развевался французский стяг. В начале XX века в марокканский порт Агадир зашел немецкий военный корабль «Пантера»: кайзеровская Германия, претендовавшая на господство в Марокко, хотела тоже «показать свой флаг»...

В эти дни перед зданием, где проходила ассамблея глав государств и правительств Африки, реяло 40 флагов. Укрепление своей независимости и суверенитета, ликвидация очагов колониализма на африканской земле, борьба с расизмом и апартеидом, подъем жизненного уровня африканцев, экономический и социальный прогресс — вот общие интересы, общие задачи африканских народов. Именно эти вопросы стояли в центре внимания ассамблеи глав государств и правительств в Рабате, созванной Организацией африканского единства (ОАЕ).

ОАЕ вступила в десятый год своего существования. Когда она начинала свою деятельность, многие западные «эксперты» предрекали, что она рассыплется, как карточный домик. «Легче из рисовых зерен сделать Килиманджаро, чем создать реальную организацию африканских государств»,— так писали в ту пору западные «африкановеды». Однако за прошедшие годы ОАЕ стала реальной и влиятельной международной организацией. Совещание в верхах в Рабате еще раз это убедительно доказало.

Ассамблея уделила особое внимание вопросам укрепления внутренней стабильности молодых африканских государств, проблемам общей борьбы с колониальными наемниками, ведущими подрывную деятельность против независимых африканских стран. Большое внимание было уделено солидарности с национально-освободительным движением в Африке. За последнее время новые территории были освобождены в Анголе, Мозамбике, Гвинее (Бисау).

Специальная комиссия занималась вопросом экономического развития африканских стран. Освобождение от засилья иностранных монополий, строительство собственной национальной экономики, подъем уровня жизни африканцев — без этого Африка не может быть по-настоящему свободной и независимой. Многие из выступавших на обсуждении этой темы указывали, что эта проблема может быть решена путем создания и развития государственного сектора хозяйства, чему содействует эффективная и плодотворная помощь Африке со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

Реализация всех этих задач, указывали ораторы, должна происходить только в обстановке мира и безопасности, мирного сосуществования между государствами. Вот почему в Африке пользуется такой популярностью советская Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС.

— Эта Программа,— сказал министр иностранных дел Сомали Омар Арте Галеб,— отвечает интересам всех народов мира, в том числе народов Африки. Своим острием она направлена против сил агрессии и произвола. Ее реализация внесет большой вклад в решение коренных международных проблем нашего времени. Мы, африканцы, приветствуем ее.

— Советская Программа мира оказывает большое положительное влияние на ситуацию в Африке,— подчеркнул Генеральный секретарь Африканского национального конгресса Южной Африки Альфред Нзо.

Рабат, по телефону.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

ПЕЙТЕ РУССКИЙ КВАС!

Пейте на здоровье!

...Глоток «Байкала» — и ощущение такое, словно ты только что вошел в сосновый бор. Легкий привкус остается во рту долго, он приятен, а вызван тем, что в состав нового напитка входят сосновые почки.

Я держу в руках фужер, до половины наполненный тонизирующей жидкостью. Зоя Ивановна Фомичева, причастная к рождению «Байкала», говорит:

— Обратите внимание на нежную пену и цвет напитка. В нашей лаборатории думали и над этим. Вкус, или, как мы говорим, букет, «Байкала» необычен потому, что содержит редкостные лекарственные травы, растущие в районе озера Байкал. Отсюда и название. У «Байкала» большое будущее. Сейчас налаживается серийное производство нового напитка.

Мы в дегустационном зале Останкинского завода фруктовых вод Москвы. Здесь, как нигде, довольны предсказаниями синоптиков о жарком лете. Фирма «Русский квас» подготовилась к сезону основательно. Тут налажено беспрерывное производство бочкового кваса. Около тысячи цистерн выпивают ежедневно москвичи и гости столицы. К давно зарекомендовавшим себя напиткам и квасам в нынешнее лето прибавятся новые.

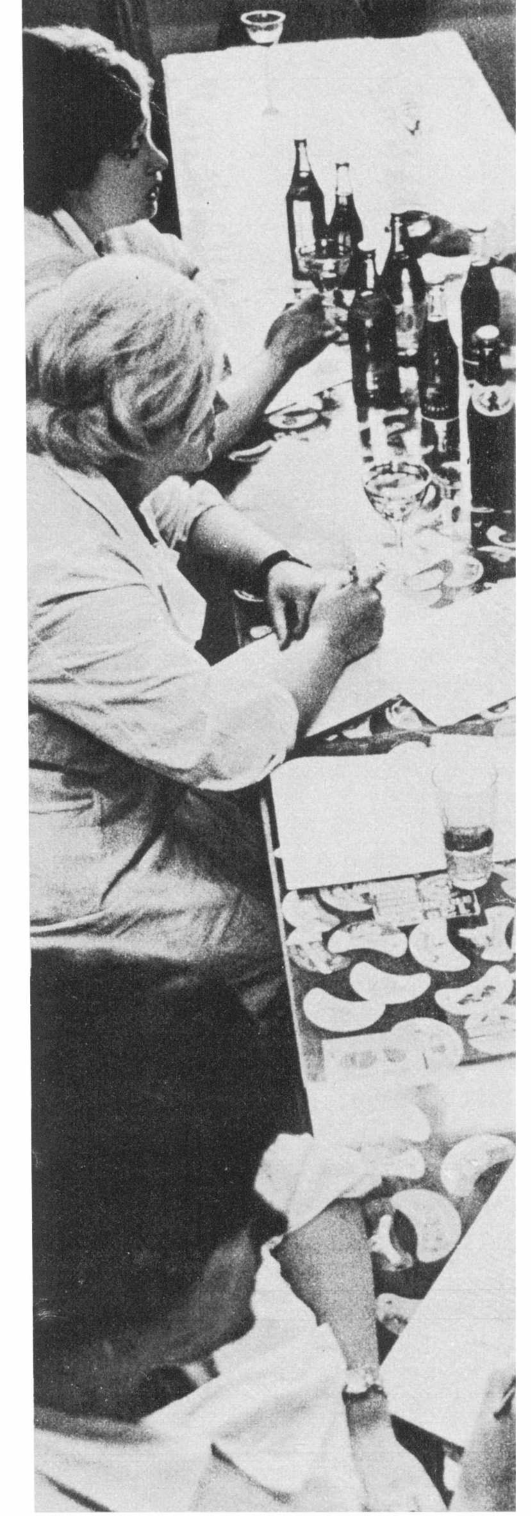
Главный инженер фирмы Илья Ильич Бродецкий поясняет:

— Читателям «Огонька» небезынтересен будет и такой факт — скоро торгующие организации начнут продажу оригинального напитка «Спортлото» — он имеет некоторое отношение к популярному лото. Вот видите, этикетки всех цветов радуги. Недавно их утвердил художественный совет фирмы. Условия конкурса таковы: потребитель, собравший весь калейдоскоп, если можно так сказать, этикеток, приносит коллекцию в управление «Спортлото» и получает приз. Какой? Это пока секрет... Мы постарались сделать все для того, чтобы напиток «Спортлото» был бы так же популярен, как и сама игра.

Медведь с фужером в руках — товарный знак фирмы. Его можно увидеть на десятках этикеток. Особой популярностью у москвичей пользуется минеральная вода «Московская». В год одиннадцать миллионов бутылок такой воды поступает в торгующие организации столицы. Рабочие завода зовут ее несколько необычно: «Вода десятого горизонта». Она добывается с глубины в четыреста двадцать метров. Сейчас бурится новая скважина. После того, как скважина начнет действовать, в магазины поступит около двадцати миллионов бутылок «Московской минеральной»...

Лимарий СЕМЕНОВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Идет дегустация.

В СЕМЬЕ БОЛЬШОЙ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

пография, мельница и пр.)». Ныне Якутия, как известно, стала центром крупной отечественной алмазодобывающей промышленности. По сравнению с 1940 годом объем валовой продукции увеличился в 21 раз. По добыче золота, олова, слюды и других редких ископаемых она занимает одно из ведущих мест в стране. Только за годы восьмой пятилетки в республике введены в строй еще 42 промышленных предприятия. В нашей экономике появились новые отрасли: добыча газа и сурьмы, производство цемента.

Якутские совхозы и колхозы дают стране мясо, молоко, картофель, овощи, заготовляют пушнину, осваивают птицеводство. Нам приятно отметить, что сейчас в среднем на одно хозяйство приходится 25 специалистов высшей и средней квалификации. Это естественный результат того гигантского скачка, который свершила Якутия в культурном строительстве. Две трети трудящихся республики имеют высшее, среднее и незаконченное среднее образование. У нас каждый третий учится.

С помощью России, русских ученых в Якутии выросли национальные кадры научных работников. Они и в институтах Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, и в институте мерзлотоведения Сибирского отделения АН СССР, и в Якутском государственном университете, и в Научно-исследовательском институте сельского хозяйства, и в Институте туберкулеза Министерства здравоохранения РСФСР... Более 1 200 научных работников — это гордость республики.

У нас четыре профессиональных и тринадцать народных театров. В их репертуаре произведения мировой и русской классики, якутских драматургов. Книги наших писателей издаются на якутском, русском языках, на языках других народов СССР.

Республика наша многонациональна. Здесь живут и трудятся представители более чем 60 национальностей и народностей. Тут счастливо строят новую жизнь коренные народности Севера, находившиеся в дореволюционное время на грани вымирания: эвены, эвенки, чукчи, юкагиры... Советская власть не только спасла их от гибели, но и открыла им путь к подлинному прогрессу.

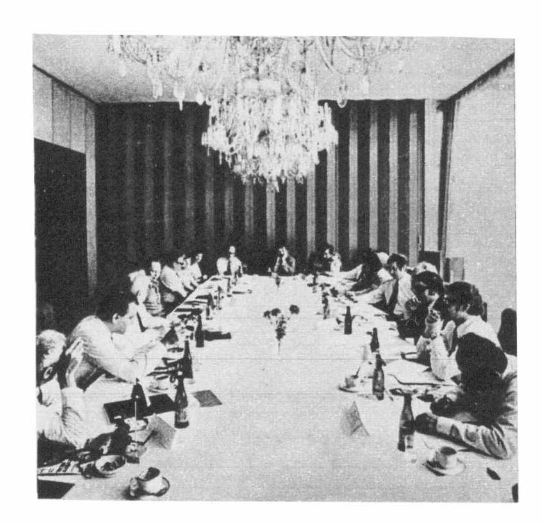

Финишировал футбольный марафон — чемпионат Европы. Полтора года продолжались игры лучших команд континента. И вот 18 июня в Брюсселе в борьбе за золотые медали встретились сборные команды ФРГ и СССР. Советские футболисты в борьбе с одной из сильнейших команд мира проиграли со счетом 0 : 3. Несмотря на серебряные медали, которые завоевала наша сборная, ее игра не порадовала любителей футбола.

На снимке: момент игры сборных команд ФРГ и СССР.

Телефото ТАСС.

ВСТРЕЧА БРАТСКИХ ЖУРНАЛОВ

Недавно в Праге по инициативе журнала «Кветы», органа ЦК КПЧ, состоялась деловая встреча руководителей дружественных журналов социалистических стран.

В ней приняли участие от НРБ — Л. Грубешлиев («Наша родина»), ВНР — К. Хайнал («Орсаг Вилаг»), от ГДР — Г. Алдус и Г. Шиссер («НБИ»), от ПНР — С. Соколовски и Р. Сенк («Панорама»), от СССР — А. Софронов («Огонек»), от ЧССР — М. Цодр и С. Рудольф («Кветы») и Л. Томашек и М. Пиоварчик («Живот»).

Участники совещания обсудили вопросы дальнейшего сотрудничества, обменялись творческими планами публикаций статей, очерков и фоторепортажей, рассказывающих о достижениях социалистических стран в области экономики, политики, культуры и науки. Представители редакций договорились о проведении в дальнейшем разнообразных совместных акций. Одна из них — запланированный на 1973 год международный конкурс фотолюбителей под девизом «Дружба наших народов».

Участники встречи в Праге были приняты секретарем ЦК КПЧ, главным редактором журнала «Трибуна» тов. О. Швесткой.

На снимке: на встрече в Праге.

Фото журнала «Кветы».

В ускоренном развитии производительных сил Якутии участвует вся страна. Со всех ее концов идут к нам машины, оборудование, транспорт, строительные материалы, товары широкого потребления. А главное, кадры специалистов. В Якутии буквально все трудовые коллективы многонациональны. Каждый из них в отдельности и вся республика в целом — ярчайший пример воплощения в жизнь национальной политики нашей партии.

Вопрос. Какие проблемы волнуют республику сегодня?

Ответ. Если сформулировать ответ на ваш вопрос коротко, то он будет таким: успешное выполнение решений XXIV съезда КПСС, заданий девятого пятилетнего плана.

Вопрос. А если чуть подробнее?

Ответ. Усилия трудящихся республики направлены сейчас на повышение эффективности общественного производства, производительности труда, качества выпускаемой продукции, выявление и использование внутренних резервов. Пятилетним планом предусматривается увеличить объем промышленной продукции Якутии в 1,6 раза, причем 88 процентов прироста должно быть получено за счет повышения производительности труда. И дальше будет развиваться горнодобывающая промышленность, в первую очередь добыча золота, олова, сурьмы, алмазов, угля, слюды. Опережающими темпами будет расти энергетика. Сооружается вторая очередь Вилюйской ГЭС и Якутской ГРЭС, идет строительство ряда крупных дизельных электростанций, линий электропередач. На предприятиях цветной металлургии ведется большая работа по их реконструкции, там внедряется новая, прогрессивная технология.

Много больших дел у тружеников сел. Мы должны повысить уровень обеспечения потребностей населения республики за счет собственного производства таких продуктов, как мясо, молоко, картофель, овощи. Известно, что в условиях Крайнего Севера этого можно достигнуть только за счет внедрения широкой механизации, повышения культуры животноводства и земледелия.

Не могу не сказать о трудностях в капитальном строительстве. Еще слабо развита производственная база ряда строительных организаций. Территория огромная, а дорог мало. Это затрудняет доставку стройматериалов в глубинные районы. Однако, несмотря на все это, размах строительства ширится год от года.

Якутия — богатейшая кладовая природных богатств. В ее недрах таятся огромные запасы олова, угля, железной руды, сурьмы, природного газа, слюды-флогопита. Значительны также запасы алмазов, ртути, вольфрама, свинца, цинка, серебра, редких металлов, каменной соли, нерудного сырья. На территории республики — одна седьмая часть лесов СССР. Сейчас принимаются меры по дальнейшему усилению геологоразведочных работ, уточнению запасов многих полезных ископаемых с тем, чтобы комплексно осваивать их.

В заключение я хочу сказать, что якутский народ, народности Севера в эти предпраздничные дни с особой теплотой, сердечностью благодарят великий русский народ, все народы нашей многонациональной семьи за бескорыстную, сердечную дружбу и щедрую братскую помощь.

ЯКУТСКОЙ АССР — 50 ЛЕТ

Юрий ЛУШИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Если бы я умел рисовать, я изобразил бы извилистую ленту таежной реки, намытые драгой по ее берегам песчаные холмы, похожие на горбы верблюдов, саму драгу — странный корабль, цель которого — вычерпать реку до дна, до золотого дна. Я нарисовал бы дорогу и на ней вереницу машин, груженных золотоносной рудой, и солнце, похожее на золотой диск, и гордых людей — алданских золотоискателей. Это Якутия, самый первый ее промышленный район — Алдан.

И снова было солнце, но мороз не отпускал. Вспомнилась шутка местного юмориста: «Наш Алдан почти как Сочи, солнце греет, но не очень». Задребезжали гостиничные окна — стало быть, взрывники в карьере уже действуют. Потом, после них, начнет без устали махать своей железной рукой экскаватор, только успевай подставлять кузова многотонных «БелАЗов» под руду. Мне, приезжему, было даже трудно как-то осознать, что в этих вот громадных машинах везут золото. Я, грешным делом, даже пытался подбирать с дороги упавшие куски руды, но мне не фартило, как выражаются здешние люди. Да и то правда, что в каждом кузове едва ли было по нескольку граммов чистого золота, и его надо было еще извлечь. Но об этом речь впереди...

С каких-то давних пор золото стало властелином. Из-за него велись войны, свершались неравные браки. Оно толкало на убийство и подлость, потому что ослепляло. Несчастные, поддавшиеся власти золота, нарекли его желтым дьяволом... Но были и другие, те, что сами властвовали над холодным металлом. Их руки создавали из золота вещи изумительной красоты и тонкости — шедевры, приносившие людям радость. Они увидели в металле цвет солнца, потому что это были Мастера. Наверное, от них получило золото другое имя — благородный металл. Люди разглядели в нем два лица, но то были лишь их собственные отражения — злых и добрых, алчных и благородных. А золото что ж? Оно тут ни при чем...

Примерно так открывали нам душу металла, который добывают здесь, люди комбината «Алданзолото». Комбинат возник еще в 1923 году и стал индустриальным первенцем не только Якутии, но и всего Северо-Востока молодой Советской республики. В канун первой пятилетки на долю якутского золота приходилась немалая доля всей добычи этого металла в стране. Незримо входило оно в бетон Днепрогэса, в домны Магнитки и Кузнецкстроя, в сталинградские тракторы, а в тяжелейшие годы войны — в броню танков, в корабли и самолеты. Впоследствии золото в Якутии открыли на берегах Индигирки, в западной тундре у берегов Ледовитого океана, но комбинат «Алданзолото» и сейчас сохраняет свою ведущую роль. Нам пояснили, что металл (ни разу не сказали «золото», все — «металл») добывается здесь несколькими способами. Драгами и гидромониторами. Но основа — способ рудный, для того-то и построены две обогатительные фабрики, одна из которых сейчас реконструируется.

— А можно ли потрогать ваше золото собственными руками? — спросил я в нетерпении.

Наш спутник усмехнулся.

— Ну, что ж. Посмотрим, посмотрим наш металл, только в чистом виде его сейчас нет, драги пока стоят. Зато увидите шлам, а это почти то же самое. С чего начнем? — спросил он, и, не дожидаясь ответа, решил: — Начнем с головы.

«Голова» — это просто мощные дробилки и мельницы, в которых размельчается золотая руда. Мало сказать, размельчается — истирается в пудру, ибо золото часто рассеяно в руде в виде мельчайших пылинок. Не стану утомлять вас описанием всего этого сложного, долгого и тяжелого процесса. Скажу только об одном секрете, которым обладает благородный металл и который человек использовал в своих интересах. В середине прошлого века русский химик Петр Багратион, племянник знаменитого полководца, открыл свойство золота растворяться в растворах цианистых солей. И вот если концентрат, получившийся в результате всех процессов, растворить в цианистом натрии и растворенное золото специальным способом осадить на цинковую пыль, то и получится неведомый и загадочный шлам, на который нам так не терпелось взглянуть.

...Чуть ли не на цыпочках входим мы в золотоприемную кассу. Прямо на полу рядами стоят ящики с влажной черной грязью. В другом ряду та же грязь была уже сухая и цвета коричневатого. Небрежно кивнув на ящики, нам сказали скучным голосом: «Золото». Я поднял голову. Лица у всех были сосредоточенно-серьезны, никто не улыбался. Значит, не розыгрыш...

Если бы я был художником, я нарисовал бы человека с геологическим молотком в тяжелых рабочих руках и с усталым взглядом — одного из первооткрывателей якутских алмазов, лауреата Ленинской премии геолога Юрия Хабардина; и тропу в вечерней тайге; и на рисунке возникали бы где-то вдалеке улицы современного города, выросшего на вечной мерзлоте, города, вызванного к жизни открытием алмазов. Это Якутия, знаменитый Мирный.

Они едва успели закопать в землю продукты и что есть мочи побежали в сторону реки. Лесной пожар уже обдавал их своим жарким, грозным дыханием, и они бежали, не выбирая дороги, спотыкались, падали, раздирали об острые сучья одежду и тело. В центре покинутого лагеря осталась высокая лиственница со свежим затесом и карандашной надписью на нем: «Трубка «Мир». Амакинская экспедиция. Партия № 132. 13 июня 1955 г.». Языки пламени уже лениво облизывали эту надпись, равнодушно и безжалостно стирая даже малейший ее след. Но никакая сила теперь не могла стереть след людей, бежавших по дымной тайге. Они знали, что снова вернутся сюда, обязательно вернутся, если доберутся до реки. А если нет? Что ж, тогда на их место придут другие... Их спасло почти полное безветрие. Они опередили пожар и достигли реки, а уже через день снова были в своем лагере. Черная земля еще не остыла, из-под ног иногда вылетал рой искр, обугленные остатки деревьев дымились, и все вместе создавало какую-то жуткую, фантастическую картину. Хабардин огляделся и задумчиво сказал:

— Это ничего, братцы. Все равно лес пришлось бы вырубать. Тут будет город, вот увидите. Может быть, большой город...

Невероятность этих слов никого не удивила, потому что самое невероятное уже свершилось: они открыли коренное месторождение, алмазную трубку...

Восемь лет шел к этому дню Хабардин, восемь долгих лет. Каждую весну уходил он с поисковыми партиями в маршрут и бродил заросшими партизанскими тропами, быть может, теми самыми, которые протаптывал в далекие годы гражданской войны его отец, устанавливая в этих местах Советскую власть. Но крепко хранила вилюйская тайга свои тайны, неохотно расставалась с ними. Друзья подшучивали над Хабардиным:

— Что ты все ходишь, парень? Зачем ищешь то, чего не потерял? — и звали его на спокойную, «теплую» работу.

— Подумаю, — усмехался он, а по весне снова уходил в маршрут. Видные ученые предсказывали, что здесь, в Якутии, должны быть алмазы. Должны быть... А как их найти? Задача архитрудная. Ну, что же, все равно они будут искать, искать и искать, они подтвердят прогнозы ученых.

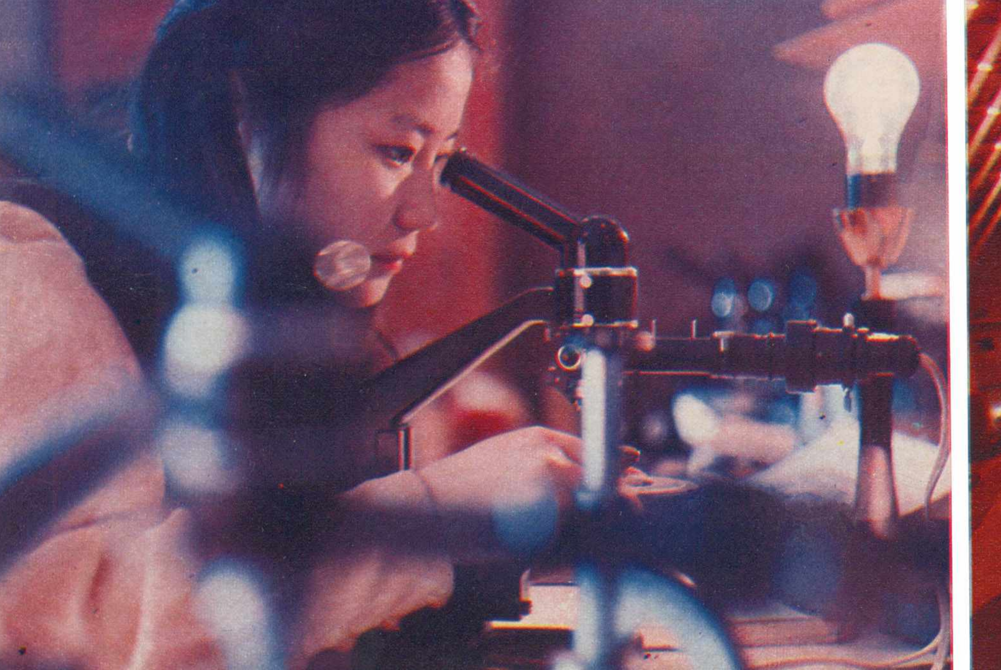
Однажды поисковый отряд Хабардина забрался в такие болотные дебри, что полмесяца не мог оттуда выбраться. В другой раз, пока они проводили обследования, резко поднялась вода в ручье и затопила лагерь. Отряд остался без соли, но чудом сохранился сахар. Началась «сладкая» жизнь. Осенью продукты кончились вообще. Несколько раз вылетал к ним самолет на сброс, но из-за плохой погоды лагерь не обнаружил. Жили на подножном корму, как выразился Хабардин. Отряд продолжал поиск, только исключительные обстоятельства могли бы остановить его. Нехватка продуктов — это не те обстоятельства. Осенью 1954-го их остановило на реке Ирелях раннее похолодание и снег — невозможно стало мыть шлихи (пробы) в ледяной воде. А перспективы казались заманчивыми. Пироповая ниточка (пиропы — красные минералы, спутники алмазов) вела их к открытию, но где-то на пути она порвалась, верный след затерялся. И вот снова Ирелях, 10 июня 1955 года. Геологи двинулись вверх по реке по еле заметной охотничьей тропинке (сейчас, кстати, точно по этому месту проходит автотрасса Ленск — Мирный). А на следующий день Госпожа Удача, эта не-

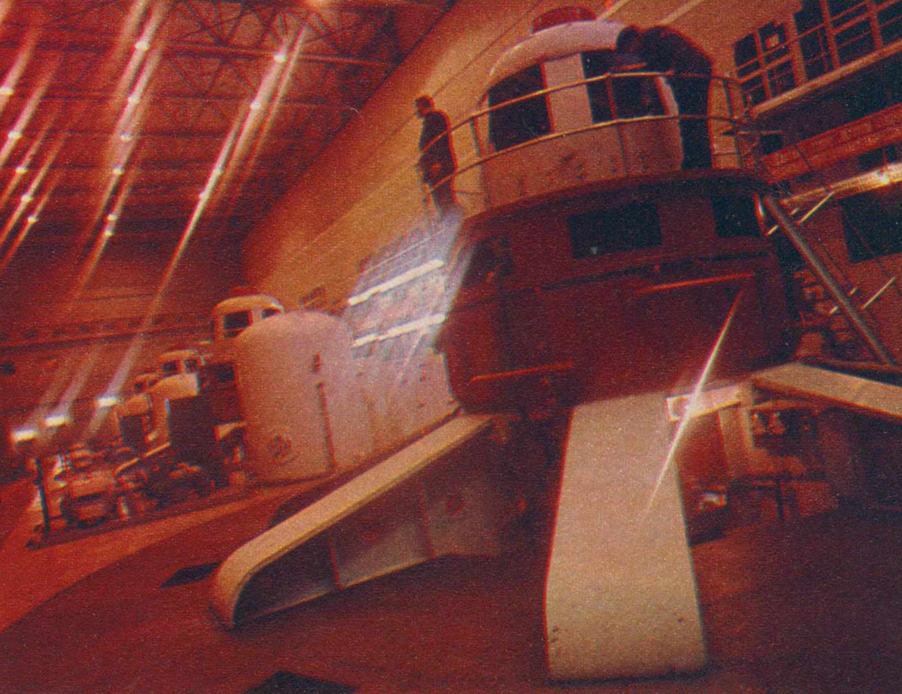
●

Вот она, знаменитая трубка «Мир»!

Будущая специальность студентки Татьяны Васильевой — разведка месторождений.

Машинный зал Вилюйской ГЭС — гидроэлектростанции, построенной на вечной мерзлоте.

ЯАССР
50 ЛЕТ

постоянная особа со строптивым характером, вдруг улыбнулась им.

Уже поздно вечером последним вернулся со своего маршрута старший коллектор Володя Авдеенко. Молча присел у костра, с загадочным видом порылся в полевой сумке, вытащил из нее маленький пакетик и все так же молча подал Хабардину. Но едва тот довольно небрежно начал его разворачивать, как напускное спокойствие оставило Авдеенко, и он закричал: «Осторожнее, там алмаз!»

Все сгрудились вокруг Хабардина: геолог Екатерина Елагина, каюр из соседнего якутского колхоза Иннокентий Иевлев, рабочие Серафим Жуков и Григорий Герасимов. Алмазик размером в спичечную головку переходил из рук в руки.

— На этот раз трубка не уйдет от нас, вот увидите,— размечтался Хабардин.— У меня предчувствие. Мы найдем ее и дадим ей имя «Мир». Трубка «Мир» — неплохо звучит, а?

Страна только что отметила десятилетие победы над фашизмом, в Москве в эти самые дни шел конгресс сторонников мира...

Утро началось со стремительного броска к тому месту на Иреляхе, где Володя Авдеенко нашел алмазик. Вначале Елагина, а потом и Хабардин среди гравийных зерен и пиропов обнаружили еще по алмазу. Это было уже серьезно. Стали брать десятилитровые пробы из русла реки, постепенно продвигаясь вверх по течению, и всюду встречались спутники алмазов. И вдруг на четвертом километре ниточка оборвалась — в лотке не было ни зернышка пиропа. Как отрезало. Чуть ниже и слева в реку впадал небольшой ручей. Может, это он выносит в реку пиропы? Первая же проба, взятая у его устья, показала высокое содержание спутников алмаза. Погасшие было надежды разгорелись вновь. Теперь пироповая ниточка вела их вверх по руслу безвестного ручья. Наступал вечер. Они забыли пообедать и едва держались на ногах, но все шли и шли вперед. И... снова потеряли след. На болоте, из которого вытекал ручей, было пусто, совсем пусто. Дальше идти бесполезно, надо снова возвращаться назад. Было от чего прийти в отчаяние. Решили отложить поиски до завтра, но, спускаясь вниз, Хабардин заметил небольшой лог (впоследствии названный его именем), врезанный в левый склон ручья: может, тут повезет? Без всякой надежды осторожно промыли в ручье пробу и не поверили своим глазам: в лотке лежала голубая земля — кимберлит, голубая земля, которую Хабардин искал восемь лет. Сомнения исчезли. Кимберлитовая трубка где-то рядом. Только где? Почти бегом двинулись они вверх по ложку и наткнулись на нору, вырытую каким-то зверем. Начали копать и уже на метровой глубине обнаружили крупные обломки голубой породы, в одном из которых блеснул кристалл алмаза. Это был первый в Советском Союзе алмаз в кимберлите, обнаруженный визуально.

— Это трубка,— растерянно, не веря сам себе, сказал Хабардин и сел на землю... А потом всю ночь они работали, забыв о сне и об усталости, определяя вчерне контуры месторождения. Оно оказалось довольно большим. Рации в отряде не было. Хабардин вырвал листок из блокнота и написал: «Закурили трубку Мира, табак отличный». И каюр Иевлев повез этот драгоценный листок на базу...

Когда через некоторое время весть об открытии якутских алмазов достигла Запада, курс акций корпораций, владеющих добычей драгоценного минерала, начал падать. Но паника быстро улеглась. Дельцы внимательно изучили карту Якутии и пришли к выводу: якутский алмаз недоступен русским по крайней мере еще полвека — топи, тайга, бездорожье, вечная мерзлота, совершенно неосвоенный край...

Я стою на краю кимберлитовой трубки «Мир» — огромной воронки, поражающей воображение. Винтом уходит вниз дорога, по которой идут самосвалы. Внизу стелется какой-то неправдоподобный лиловатый туман. Хабардин стоит рядом со мной и молчит. Еще не остыл от воспоминаний. Я все не решался задать ему вопрос, который не давал мне покоя, и наконец спрашиваю:

— Юрий Иванович, а если бы Авдеенко в тот вечер не нашел алмаза, была бы сейчас трубка «Мир»?

— Безусловно,— тотчас же отозвался, словно ждал этого вопроса, Хабардин.— Может быть, позже дня на три, на неделю, но все равно мы нашли бы ее. Открытие уже было предопределено всем ходом разведки. Не случайно же через два дня после нас геолог Щукин,— кстати, он тоже сейчас работает в Мирном — за сотни километров от нас открыл трубку «Удачная».

— Надолго ли хватит этих запасов руды?— Я кивнул вниз.— Другими словами, стоило ли строить здесь, на вечной мерзлоте, такой большой город, как Мирный?

— Стоило? Это просто необходимо. Во-первых, все затраты быстро окупаются. Во-вторых, запасов хватит. И, наконец, кто знает, какие еще сюрпризы нас ожидают. Разведка продолжается...— И вдруг добавил без всякого перехода:— А ведь ничего не было здесь. Только тайга, только тайга.

Вдали, как мираж, рисовались белые дома Мирного, зажигались первые вечерние огни...

Наверное, самое выдающееся событие в жизни Якутии за последние полвека — открытие алмазов. Но ничуть не меньше меня поразил тот факт, что при девятимесячной зиме с морозами до 60 градусов, на вечной мерзлоте в Якутии плодоносят яблони. Если бы я умел рисовать, я нарисовал бы якутские сады в цвету.

Сначала вы увидите бело-розовые клумбы и обнаружите вдруг, что цветы эти необыкновенно схожи с яблоневыми. Консервативное мышление отказывается признавать клумбы деревьями, и вы будете еще долго ходить между ними, привыкая к мысли, что это и есть самый настоящий сад. Стелющийся якутский яблоневый сад. Находится он на опытных полях Научно-исследовательского института сельского хозяйства в окрестностях поселка Покровск, на берегу Лены. Агроном Мария Алексеевна Черткова расскажет вам об истории этого невероятного сада — как начисто вымерзли первые саженцы, сколько было проведено всевозможных вариантов посадок и защиты их от стужи, пока не удалось найти подходящий подвой, сколько долгих лет прошло от первого опыта до первого урожая. Если искать истоки этих успехов, то, помимо поистине героического труда людей, я бы вспомнил и такой факт. В тяжелейшее для Советской страны время, в 1922 году, правительство РСФСР нашло возможным и необходимым выделить Якутской АССР кредит в три миллиона рублей на развитие сельского хозяйства и приобретение сельскохозяйственных машин. И камень зазеленеет, если к нему подойти с душой, говорят якуты. В этом все дело. А между тем уже давно крупный ученый Габерландт вывел формулу, которая устанавливала количество тепла, необходимое для жизни культурных растений. На основе формулы ученый провел на карте мира воображаемую линию, севернее которой не может быть и речи о земледелии, о культивировании растений. Результат этих подсчетов ничего хорошего Якутии не сулил: она оказывалась далеко за линией Габерландта. И вот здесь-то, в «мертвой зоне», ныне плодоносят яблони 24 различных сортов, а кроме того — и в это тоже верится с трудом,— республика ставит вопрос о том, чтобы полностью обеспечить себя овощами. Причем урожаи картофеля достигают 130 центнеров, а капусты — 500—600 центнеров с гектара. Это на вечной-то мерзлоте!

Если бы я обладал даром художника, я нарисовал бы бескрайнюю тундру, и несчетные стада оленей на ее просторах, и волшебный полог северного сияния — огни далеких людей, как говорят юкагиры. Это тоже Якутия, крайний север.

«Суровая тундра простирается между сибирскими реками Индигиркой и Колымой. Суровы все тундры, но эта — озерная, самая северная. На что уж холоден Якутск, но он далеко на юге, на севере же — ледяное Восточно-Сибирское море; сам батюшко земной Полюс холода соседствует с этим краем — он рядом, в пятистах километрах...» Так в историческом романе «Ханидо и Халерха» описал места, по которым летят наши нарты, юкагирский писатель Семен Курилов. Он сидит на первой нарте с оленеводом Иваном Макаровичем Вельвиным, я — на второй. Олени наши быстры, а нарты легки, и солнечный день навстречу весне катится, и небо, которому зимой достаются все краски Севера, готовится щедро поделиться ими с тундрой, и восторгом окатывает душу от быстрой езды, от немереных просторов. Мы держим путь к Василию Петровичу Ягловскому, лучшему оленеводу Якутии (это официальное звание), недавно награжденному орденом Ленина.

Ягловский — тоже юкагир, представитель одной из самых малых народностей нашей страны. Юкагиров всего-то около пятисот человек, и, запоздай Советская власть на несколько лет, остались бы от них лишь воспоминания, как о вымершем народе. К счастью, этого не произошло, и теперь у юкагиров есть и свои историки, и писатели, и кандидаты наук, и специалисты в разных отраслях народного хозяйства, и, конечно, великолепные оленеводы...

А нарты все летят вперед, и мне остается только гадать, по каким приметам определяют верное направление Вельвин и Курилов — вокруг ни следа, ни ориентира, ни дымка вдали.

Здесь, в тундре, пространство ощущается как-то особенно остро, почти физически. Здесь особенно отчетливо представляешь, что Якутия занимает седьмую часть нашей страны. Да, просторно здесь, слишком даже просторно, если вспомнить, что населения на всей этой территории почти вдвое меньше, чем, скажем, в Новосибирске,— всего 682 тысячи человек. Даже простое сопоставление этих двух цифр наводит на размышления о проблемах, которые встают перед этой богатейшей республикой. И прежде всего, конечно, проблема кадров. Ее не существует, видимо, только в Мирном, где созданы отличные условия для труда и быта, где высокий уровень механизации свел до минимума «черную» работу. А как обстоит дело, скажем, у оленеводов? Об этом мы и ведем кепсе — разговор, после того как наткнулись на стадо Ягловского, которое он перегонял на новую стоянку. Оленеводам приходится менять стоянку через три-четыре дня: что стоит двум с половиной тысячам оленей — именно столько их в стаде — ископытить и истощить пастбище! Причем использованный участок нельзя трогать в течение нескольких лет, пока снова не вырастет ягель, а растет он медленно. Так что тут целая наука, которая диктует весь уклад жизни.

Мы сидим на оленьих шкурах, пьем чай при свечах, не снимая верхней одежды, а снаружи свистит ветер. Может, для приезжего это экзотика, а для Ягловского, Вельвина и всех других оленеводов это жизнь, повседневность. И наш кепсе приходит к тому, что молодежь такая экзотика не привлекает, что древнее занятие отцов ее уже не манит. Причины очевидны. Уровень, на котором ведется оленеводство, плохо поспевает за временем. Вот геологи — тоже кочевой народ. Но у них есть передвижные вагончики-жилища, бани, столовые. А здесь, у оленеводов, все тот же дымный и темный тордох. Пойдет ли в него сын Вельвина Григорий, который учится сейчас в Якутском университете, пишет стихи и даже печатается в газетах? Я не уверен...

Говорят, что как-то один подмосковный завод наладился было выпускать нарты и даже сборные жилища для оленеводов, но их оказалось так сложно собирать — в 50-градусный мороз, ветер, и не в цехе,— что тордох и самодельные нарты выиграли соревнование с прогрессом. Ежегодно в газетах появляются сообщения, что для оленеводов изготовлены архиудобные и быстрые аэросани. Где же они? Что-то я их не видел. Я слышал, что таймырские оленеводы изготовили удобный и, главное, легкий вагончик, который способна перевозить даже упряжка оленей. Поиски в облегчении быта, создание необходимых удобств для оленеводов ведутся, но как-то робко, вразнобой. Тут бы сконцентрировать усилия, создать центр, что ли, какой-то по изучению и решению бытовых проблем Севера... В совхозе Нижнеколымском 30 тысяч оленей, в Якутии —300 тысяч, а на всем необъятном Севере нашей страны пасется олене стадо, которое трудно подсчитать. Это — огромное народное богатство, и в его освоении мы должны тоже идти в ногу с веком.

Если бы я умел рисовать, я нарисовал бы газовые фонтаны, рвущиеся в небо, и силонившегося над приборами ученого, и одухотворенное лицо костореза в селе Ботулу, и знаменитую школу борцов в Чурапче, и застывшего возле Института мерзлотоведения, всего в сосульках, древнего жителя этих холодных пространств — мамонта, и университетские аудитории, и построенную впервые в мире на вечной мерзлоте Вилюйскую ГЭС, и сцену из новой оперы-легенды «Лоокут и Нюргусун»... Как хотелось успеть всюду! Но слишком уж ты велика, Якутия. Ну, что ж, до новых встреч.

●

Ведет передачу телестудия города Мирного.

На сцене Якутского музыкального театра — опера-легенда «Лоокут и Нюргусун».

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

6 ноября 1941 года Михаил Иванович Калинин вручил лейтенанту А. В. Рыжикову орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

27 августа 1941 года в газете «Правда» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза лейтенанту Анатолию Васильевичу Рыжикову. А вот фотография, что экспонируется в Музее Вооруженных Сил СССР: 6 ноября этого же года Михаил Иванович Калинин вручил А. В. Рыжикову орден Ленина и медаль «Золотая Звезда»...

Ночь на 22 июня 1941 года. Начальник связи погранучастка лейтенант Рыжиков дежурит в штабе. Еще не началась война, еще на затемненных заставах стоят в пирамидах ровные ряды трехлинеек... Где-то на затянутом росой берегу замерли пограничные секреты. Молчит штабной телефон. Что-то пишет сидящий у окна боец. Тишина на границе. И невольно перед глазами дежурного возникает прошедший день, самый разгар футбольной встречи с командой стрелкового полка... Досадно пропущенный гол... Но завтра, в воскресенье, переигровка.

Завтра... Они еще не знают, каким оно будет... Через минуту зазвенел телефон, оборвав тишину последних мирных минут.

— Докладывает застава лейтенанта Сухарева! — послышалось в трубке. — Немцы переправляются через реку. Их около сотни! Бьют по казарме!

Через несколько минут к атакованному участку мчалась машина с группой пограничников. Среди них был и лейтенант Рыжиков.

Недалеко от реки они услышали дробный стук пулеметов. Впереди вспенилась фонтанчиками коричневая гладь лужи. Машина едва успела свернуть в заросли.

— Совсем обнаглели,— проговорил капитан Матюшин. — Смотрите, село в излучине заняли. Так ведь и до войны недалеко!

Начальник погранучастка еще хотел верить, что это «обыкновенная» провокация. Ожидая подкреплений, он решил пока уничтожить вражеские огневые точки.

Пулемет бил с бугра. В предрассветных сумерках хорошо виден его пляшущий огонек. Всего сто метров, но кажется Рыжикову, он целую вечность ползет по темной и мокрой траве. Потом он расскажет: «Полз и думал: если струшу — точно убьет... Иногда я останавливался и трогал холодные чехлы гранат РГД. Так, для спокойствия... Метров за двадцать поднялся на локте, бросил. Гулкий взрыв. Все стихло. Потом застучали немецкие автоматы. Я еле отполз.

Оставался еще второй пулемет. Он был на другом конце вражеской цепи, и мне пришлось ползти вдоль нее. Справа стреляют наши, слева фашисты. Но так уж случилось — ни одна пуля не задела. Вот и земляной холмик погреба, с которого бьют пулеметчики...

По-моему, они увидели меня: ствол дернулся было в мою сторону, но я уже сдвинул предохранитель на гранате. Стал на колено, прицельно бросил. Потом еще одну для верности. На погребе вздыбилась земля. Я кинулся в спасительную траву и пополз было к своим. И тут увидел трех немцев, бегущих ко мне, вспомнил, что безоружен... Ведь карабин я оставил, чтоб не мешал ползти.

Один немец опередил остальных. В руках — винтовка с широким штыком. Он мог бы выстрелить, не добегая, но, наверно, ему очень хотелось проткнуть меня этим штыком. Ведь он видел, что у меня пустые руки!

Но руки тоже оружие! Еще зимой я был участником первенства страны по гимнастике. Вот когда пригодились годы спортивных тренировок! Отпрянув, я перехватил направленное в грудь острие, рывком выхватил винтовку из рук врага. Теперь уже я видел страх в его расширившихся глазах...

Удар прикладом пришелся под обрез каски. Это было как раз вовремя: сбоку набегали еще двое. Признаюсь, даже не подумал, что могу стрелять. Едва успел отбить штыковой удар. Схватка продолжалась недолго. Одного уложил штыком. Другого четко, как на занятиях, прикладом. От радости взмахнул трофейной винтовкой. И тотчас вокруг засвистели пули. Я подобрал оружие убитых и пополз к своим. А через десять минут капитан Матюшин повел нас в атаку, и мы выбили врага из села в излучине реки.

Начальник погранучастка хотел было, как положено, составить акт о нарушении. Но в этот момент по всей линии границы ударила вражеская артиллерия, послышался самолетный гул. Акт не требовался — началась война...»

Как же сложилась дальнейшая военная судьба лейтенанта Рыжикова? Почти десять дней держались пограничники капитана Матюшина, сдерживая натиск регулярных частей врага. Потом с боями прорвались на восток. В тот трудный год пограничные войска, охраняя прифронтовую полосу, вступали в бои на самых тяжелых участках вражеских прорывов, уничтожали десантные и диверсионные группы гитлеровцев.

В августе сорок первого, после одного из таких боев, лейтенанта вызвали в штаб. Радио передавало Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы пограничников за образцовое выполнение боевых заданий. За мужество, проявленное в том первом, «предвоенном» бою на границе, Анатолию Рыжикову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В сорок втором Рыжикова послали в Москву, в Академию имени Фрунзе. Дипломную практику проходил на 1-м Украинском фронте, командовал стрелковым полком. Именно тогда, в сентябре сорок четвертого года, в «Известиях» был напечатан репортаж журналиста В. Полторацкого о том, как полк майора Рыжикова освобождал польский город Дембицу.

Разгромив в ожесточенном лесном бою гитлеровскую часть, полк вышел во фланг вражеской обороны, в решительной атаке смял ее и ворвался в город. Когда журналист спросил командира полка о теме его дипломной работы, майор ответил: «Бой в лесу и захват населенного пункта»...

С того дня, когда на наши западные погранзаставы обрушился первый огонь войны, прошли десятилетия. Вечной славой покрыли себя пограничники, сражавшиеся под Одессой и Сталинградом, на легендарном пятачке «Малой Земли» у Новороссийска, на опаленных склонах Пулковских высот.

Теперь в Музее пограничных войск лежит у стены поверженный многопудовый медный орел, сжимающий в когтях свастику. Этот трофей по праву находится здесь. Он снят с фронтона имперской канцелярии воинами Рижского пограничного полка, вместе с частями Советской Армии штурмом взявшими это здание в центре Берлина.

Листая подшивку «Огонька» за 1946 год, мы обнаружили рассказ бывшего лейтенанта о подвиге, совершенном им на границе в час начала войны.

В заключении этого рассказа Рыжиков писал, что намеревается служить в пограничных войсках. И верно.

С Героем Советского Союза, кандидатом военных наук полковником А. В. Рыжиковым мы встретились в одном из высших военно-учебных заведений пограничных войск, где он преподает. Вспомнили о его первой публикации в «Огоньке», попросили рассказать читателям о сегодняшнем дне пограничных войск.

— Вместе со всей Советской Армией за эти годы,— сказал Анатолий Васильевич,— росли и совершенствовались наши пограничные войска. И если главная задача у них осталась прежняя — охранять рубежи Родины от посягательства врага,— то уровень подготовки и оснащения стал неизмеримо выше.

Добрым словом можно вспомнить былое оружие пограничников — русскую трехлинейку: в умелых руках она безотказно несла свою службу, но теперь заняла свое место в музеях... Сейчас пограничные войска располагают самым современным вооружением и боевой техникой. Это ставит перед командными кадрами задачу повысить уровень подготовки личного состава. Наши пограничники — бойцы и офицеры — бдительно стерегут границы и постоянно учатся.

Наши пограничные войска многонациональны. В них, как и во всей Советской Армии, служат представители народов, населяющих нашу великую Родину. Крепкая товарищеская спайка, постоянная готовность к взаимовыручке воинов, несущих охрану границ Союза Советских Социалистических Республик,— еще одно свидетельство нерушимой дружбы народов страны победившего социализма. Можно с уверенностью сказать, что пограничные войска вместе с воинами Советской Армии и Флота надежно обеспечивают безопасность границ страны.

О. СКУРАТОВ

Комбат.
Фото М. АЛЬПЕРТА.

ВИГ ВОЙНЫ

Семен ДАНИЛОВ

МИР ЗЕЛЕНЫЙ

* * *

Ты расскажешь
Застенчиво,
От удивленья светла,
О молоденькой рощице,
О кукушке-заике
Смешной,
Что промашку дала,
Счастью нашему
Срок
Посулив невеликий...
Буду жадно я
Слушать,
Улыбаясь
Возможной беде:
Приголубит
Кукушка
Меня
Иль погубит?
И от слова,
Случайно
Тобой оброненного,
Сразу
Везде
Станет ясно,
Кто любит кого,
Кто не любит...
А потом
Ты уйдешь
На вечерний удой,
Я же песню свою
Буду нежить,
Вздыхая...
Взявшись за руки
Крепко,
Мы войдем
В эту песню
С тобой,
Как в зарю —
Снегирей
Легкокрылая стая.
В этой песне
Печали и горечи нет.
И усталости тоже
Немного
Осталось...
Неужели,
Любимая,
Столько мне лет?
Смотрит
Кроткая юность
С восторгом
На старость.

Песня путника

Мчу, радость затая.
И в песенках простых
Насвистываю я
О подвигах лихих.

Легко скакать верхом!
Тайга, кружась, летит.
Над просекою гром
Подкованных копыт.

Веселый летний зной,
Стекающий с ветвей,
Мерещится игрой
Лисиц и соболей.

О лучезарных днях
В сиреневом краю
С улыбкой на губах
Взволнованно пою.

О путь далекий мой!
По остриям хребтов
Обрывистой тропой
До белых облаков.

И, верю, хватит сил
Достигнуть высоты,
Которой посвятил
Я сердце и мечты.

* * *

Я родился в грозу по весне.
Я люблю этот свет раскаленный
И дымящийся в голубизне
Мир зеленый, со мной
сотворенный!

Потому от весенних высот
Замирала душа на просторе,
Когда белый, как стерх [1],
пароход
В гордом блеске кружился по
морю.

И сходились в долине сердца,
Если било сияние сверху.
И раздольная песнь молодца
Состязалась с легендой о
стерхе.

И когда-то в весенних лесах
Был прекраснейшей в мире
любим я.
На высоких писал небесах,
Словно радуга, нежное имя.

[1] Стерх — белый журавль.

Да, и мне среди светлых
дорог
Было двадцать сверкающих
весен!
И, казалось, взлететь бы я мог
Над цветущими кронами сосен.

Дорожная песня

Высокий перевал — счастливый
свет походный.
А песня хороша, когда она
свободна.
Зимою, например, среди
долины вольной
Под легкий свист саней звучит
она раздольно.
И кружится с пургой,
запутавшейся в тропках,
И эхом тишины гремит
в далеких сопках.
Когда трещит мороз,
она как шуба греет.
От песни у самой зимы душа
добреет.
С ней ехать веселей, с ней
не устанет путник.
Недаром говорят, что песня —
лучший спутник.

Высокий перевал — счастливый
свет походный.
А песня хороша, когда она
свободна.

Туча

Как тяжко надвигалась туча,
К земле отбрасывая тень
И разворачиваясь круче,
Чем ветер, дувший целый день.

Каленых молний светом
резким
Была земля озарена.
На жестяные крыши с треском
Взрывная рушилась волна.

Путь расчищая то и дело,
Шла туча медленно вперед.
И встала вдруг — видать,
вспотела,
И вот — светло, и дождь идет!

И, позабыв про все на свете,
По зеленеющим полям
За тучей той бежали дети
Под ливнем с солнцем
пополам.

Сердце

Сердце праздным быть
не должно.
Сердцу сутками спать грешно.
Сердцу нужен труд, как уму.
Не давай облениться ему!

Пусть весь мир оно облетит
И достигнет синих морей,
Чтобы стук его был как щит
Беспокойной жизни твоей.

Закаляй во дни и в ночи.
А потом, чтобы, гневаясь, жгло
И, любя, улыбалось светло,
Самой высшей науке учи.

А захнычет оно порой,
Замедляя скованный бег,—
Ни потачки ему, ни нег
И ни воли ему никакой!

Будет счастье или беда —
Запрягай его до звезды.
Как с коня, ты с него никогда
Не снимай упругой узды.

Пой же, пой ты, подруга моя!

Пой же, пой ты, подруга моя!
Видишь: в лунном сиянии поле.
И реки золотая струя,
Словно ветер, гуляет на воле.

Пой — для песни не надо
причин,
Пой — я песне той ласковой
сродник,
Как влюбился в девчонку один
Молодой и беспечный охотник.

Пой — я тихо тебе подтяну
Про не знавшую счастья
разлуку,
Как унес он с собой на войну
Безраздельную радость и муку.

Пой, как шел на врага он
в дыму,
Презирая тоску и усталость,
И любимая нежно ему
На дорогах войны улыбалась.

Расскажи, как с победой домой
Он вернулся, судьбою отмечен.
И к нему под такой же луной
Дорогая бежала навстречу...

Пой, подруга, любви не тая.
Пой — мечты я твоей не
нарушу.
Безыскусная песня твоя
Так волнует сегодня мне душу!

Перевел с якутского
В. ШАРГУНОВ.

СУДЬБА ОДНОЙ КНИГИ

Собирая материалы о творчестве М. Шолохова, я долго разыскивал первое издание «Тихого Дона» за рубежом. Впервые за пределами нашей Родины роман был выпущен берлинским издательством «Литератур унд политик» в переводе Ольги Гальперн в октябре 1929 года. О моих друзьях в ГДР, о тех, кто участвовал в этих поисках, я и хочу рассказать.

Константин ПРИЙМА

Узнав, что в ГДР, где-то под Берлином, бывшие батраки создали сельхозкооператив имени Михаила Шолохова, я отправил туда письмо через редакцию газеты «Берлинер цайтунг». Недели две спустя я получил из деревни Линов-Мёкерн большой пакет. Там была справка о хозяйственной деятельности бывших батраков — ныне кооператоров — за пять лет, а также статьи из немецких газет и фотодокументы о посещении кооператива Михаилом Александровичем Шолоховым в мае 1964 года. Пакет прислали журналист Курт Пассон и фотокорреспондент Гюнтер Варнеболд из города Нейруппина. Они сообщали, что вскоре на Дон приедет председатель кооператива Лотар Кох и передаст мне что-то весьма важное. «Наверное, книгу,— подумал я.— Все-таки нашли!»

Когда гости из ГДР 1 июля 1965 года прибыли в станицу Вешенскую, я встретился с Лотаром Кохом. Он рассказал историю рождения кооператива.

— Деревня наша Линов-Мёкерн,— говорил Л. Кох,— стоит на песках в ста километрах на северо-запад от Берлина. При въезде в бывшую барскую усадьбу на постаменте — бюст Шолохова. На цоколе — барельеф, изображающий встречу Григория Мелехова с Аксиньей на берегу Дона... Вас интересует, почему кооператив носит имя писателя? Все началось с «Поднятой целины». Книгу эту привез нам коммунист, рабочий Эрих. Душа парень, умница, как Давыдов у Шолохова. И читал крестьянам Эрих по вечерам «Поднятую целину». Герои романа — Давыдов, Нагульнов, дед Щукарь — полюбились нам, вошли в нашу жизнь. А потом Эрих принес «Тихий Дон», привез кинофильмы «Судьба человека», «Тихий Дон», «Поднятую целину». Перед нами тогда стоял вопрос, как дальше жить. И решили мы создать кооператив. Из СССР получили тракторы «СТЗ», которые перепахали у нас да, пожалуй, и по всей ГДР старые межи. Много было споров, как назвать кооператив. Кто-то подал мысль: имени Шолохова. Мы послали писателю письмо с просьбой дать свое согласие. 26 сентября 1960 года пришел ответ.

— Письмо от Шолохова? У вас есть его письмо?

— Да, но оно дома, в правлении,— ответил Кох.

— А вы могли бы дать мне его фотокопию?

— Можно будет. Пришлем. А впрочем,— спохватился Лотар,— наши друзья Курт Пассон и Гюнтер Варнеболд передали для кого-то газеты с опубликованным автографом этого письма...

Лотар Кох представил мне сотрудника отдела культуры ЦК СЕПГ Ганса Баумгарта, который спросил меня:

— Не вы ли разыскиваете первое издание «Тихого Дона»? Теперь найти эту книгу очень трудно. Но вот вам наш подарок.

И он вручил мне пухлую папку с надписью «Визит М. Шолохова в ГДР в 1964 году в нашей прессе».

В папке сверху лежали газеты с фотокопией шолоховского письма и снимок бюста писателя, который установлен в кооперативе его имени.

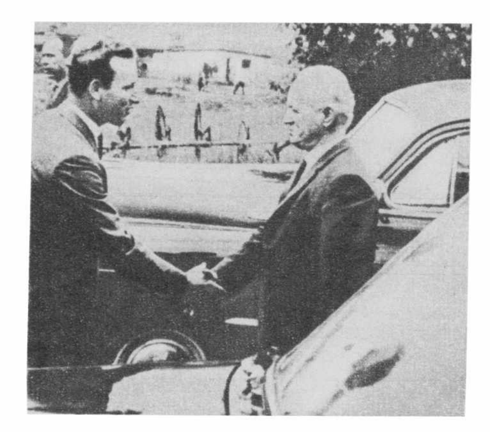
— Вы бы видели,— вспоминал Кох,— как мы читали письмо Михаила Александровича! Трижды вслух прочли! Каждому любопытно было увидеть почерк автора знаменитых романов! Тогда же мы единодушно приняли Михаила Шолохова в почетные члены кооператива. Написали ему об этом и пригласили посетить «родной кооператив». В 1964 году Шолохов приехал к нам. Встреча была незабываемая. Писатель поразил нас глубоким знанием крестьянского труда. На прощание Михаил Александрович сказал: «Трудностей у вас еще много. И земли ваши — пески да глина — плохие. Тут работать надо до седьмого пота! Но люди вы молодые, прекрасные. Я верю в грядущие ваши победы!»

Писатель пригласил нас в гости на тихий Дон,— продолжал Лотар Кох.— Вот я с бригадирами У. Темплином и Г. Борхардом приехал в СССР... А издание «Тихого Дона» 1929 года надо искать. Не может быть, чтобы фашисты сожгли все книги!

Суперобложка «Тихого Дона» издания 1929 года.

А. Шолохов и Лотар Кох (май 1964 года).

Фото Г. Варнеболда.

В 1966 году через газету «Нойес Дойчланд» я обратился к немецким антифашистам с просьбой сообщить о влиянии «Тихого Дона» на их поколение и, если у кого сохранились томики издания 1929 года, обменяться со мной на советское юбилейное иллюстрированное издание.

Результат превзошел все ожидания. Друзья из ГДР прислали десятки книг.

Доктор Клаус Хепке из редакции «Нойес Дойчланд» переслал мне семь комплектов «Тихого Дона» с интереснейшими судьбами каждой книги, томик самого первого немецкого издания «Поднятой целины» (1933 г.) в переводе Эдуарда Шиманна, пропавшего без вести в застенках гестапо, и 66 писем. Их авторы писали, что «Тихий Дон» со дня своего появления находился на передовых позициях идейных битв нашего времени. Для Артура Кека роман был событием не меньшим, чем знаменитый «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна.

По мнению Эльзы и Георга Райс, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» являются самыми впечатляющими и поучительными книгами о подвиге советского народа и величии его революции.

Один из участников борьбы с фашизмом в 1933—1945 годах, Эрвин Шлейзенер, сообщает, что «в труднейшей борьбе с фашистским режимом образ коммуниста Бунчука из «Тихого Дона» был для подпольщиков примером мужества и стойкости перед лицом смерти».

Иоахим Шульц из Берлина пишет: «Есть книги, которые входят в семью на всю жизнь! Такой книгой оказался «Тихий Дон» Шолохова для нашего деда, ветерана партии Макса Курейбера, и всех нас, его потомков. Два томика первого немецкого издания романа Шолохова в переводе Ольги Гальперн еще в 1930 году получили высокое признание у деда и его друзей. Как коммунист-подпольщик, наш дед сумел перехитрить гестапо и через все черные годы фашизма пронести «Тихий Дон» Шолохова, произведения Г. Гейне и другие книги. С гордостью могу сказать, что благодаря деду и этим книгам в годы «коричневой чумы» в нашей семье все росли в духе свободомыслия и великой веры в Советскую Россию».

Член компартии с 1923 года, Вилли Линке, восемь раз побывавший в тюрьмах, сохранил в подполье библиотеку марксистской литературы (два чемодана книг), среди которых были «Тихий Дон» Шолохова и «Цемент» Гладкова. Библиотекой пользовались надежные люди. На обложке присланных томиков «Тихого Дона» он сделал надпись: «Эти книги Шолохова пережили двенадцать лет фашистского господства. Я прятал их в мешках с хламом, в погребе, зарывал в землю. И всегда люди с радостью и трепетом брали их в руки, даже если это было опасно. Чтобы читать «Тихий Дон» в то время, нужна была вера в человека, осторожность и личное мужество. Друг, если ты берешь их в руки, обращайся с ними с такой заботой, с какой они были спасены для нас в черное время нацизма».

Ветераны компартии Эмми и Бруно Якоб сберегли два томика «Тихого Дона», принадлежавшие комсомольцу Гансу Коппи, подпольщику-радисту знаменитой «Красной капеллы» — боевой антифашистской организации в Берлине.

«...Шел 1937 год,— пишет Эмми Якоб.— Как-то в полночь Ганс принес большой пакет, в котором были «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и две книги «Тихого Дона» М. Шолохова. «Это самое дорогое»,— сказал он. Я спрятала книги в подвале под уголь. Больше я Ганса не видела. Позже мы узнали, что он был казнен фашистами. Книги Ганса Коппи остались у нас. Они наша святыня. Мы горды тем, что первый и второй тома «Тихого Дона», принадлежавшие борцу-антифашисту Гансу Коппи, будут представлены на шолоховской выставке в России».

Ростов.

ЧИТАЙ-ГОРОД

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Обширны читальные залы нового здания Государственной библиотеки Казахской ССР имени Пушкина в Алма-Ате. Проходим из зала в зал... Оказывается, здесь таких вот «читальных полей» полтора десятка — сама степь казахстанская под крышей!

Идем вдоль столиков и никому этим не мешаем: шаги заглушаются огромными, во весь пол, коврами.

Ощущение простора в самой архитектуре и планировке здания. Нет тут унылых, длинных коридоров, закоулков-переходов, вместо них большие выставочные залы и площадки отдыха с цветами. В каждом зале перед столиками солнечно золотится электрическое табло, сообщая о выполнении заказов на книги. А летом и настоящее солнце сияет над затененными столиками в открытых читальных галереях с цветниками и фонтанами, расположенными по обеим сторонам главного корпуса библиотеки.

Гранит и мрамор, бетон и пластик служат здесь книге и, конечно же, читателям. В громаднейшем книгохранилище на четыре миллиона томов специальные агрегаты и приборы постоянно поддерживают необходимую температуру и влажность воздуха. Отсюда, из «святая святых» библиотеки, книги доставляются к кафедрам выдачи с помощью подъемно-транспортной системы. Действуют тут пневмопочта, лаборатории — микрофото и электрографическая, печатный цех, лингафонное устройство для прослушивания текстов на разных языках. Из 400 сотрудников библиотеки 160 — инженеры и техники.

...Заходим в справочно-библиографический отдел. Только что здесь выполнили две заявки: список литературы за последние пять лет по теме «Традиции и новаторство в театральном и музыкальном искусстве» для отдела культуры Алма-атинского горкома партии и перечень исследований и статей о Николае Островском — это для Б. Оралбекова из восточноказахстанского села Каменка.

Главный библиотекарь научно-исследовательского отдела Ерке Амановна Ильясова рассказывает:

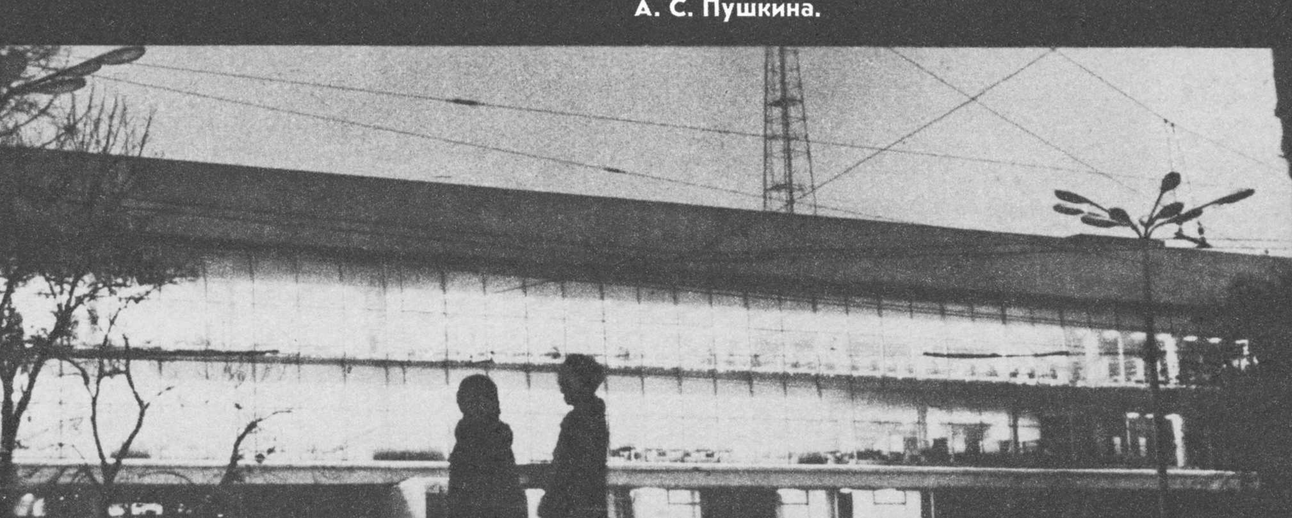
— Все больше заявок на книги казахских писателей поступает из других братских республик. Конечно же, сказывается приближение юбилейной даты. Много заявок из-за границы. Мы отправляем книги в Болгарию, ГДР, Польшу, Румынию, Югославию, на Кубу, а также в Индию и АРЕ, Афганистан и Турцию, Таиланд и Мексику. Чаще стали обмениваться книгами с библиотеками Франции, Японии, Англии, США.

Велик интерес читателей к хранящимся у нас редкостным экземплярам манускриптов и ранних печатных изданий. Это — собрание древних восточных рукописей, среди которых, в частности, знаменитое творение Низами «Пятерица», переписанное каллиграфами в 1488 году. Огромную ценность представляет одно из первых переводных изданий «Капитала» Карла Маркса.

В золотом фонде библиотеки — Эразм Роттердамский (Кельн, 1523 год), «Диалог о двух главнейших системах мира — Птолемеевой и Коперниковой» Галилео Галилея (Лейден, 1635 год), рукописи и книги классиков казахской литературы Валиханова, Алтынсарина, Абая.

Библиотека имени Пушкина в Алма-Ате, — продолжает Ерке Амановна, — республиканский методический центр для 7 415 наших массовых библиотек с общим книжным фондом около 65 миллионов экземпляров. По последним данным, в сфере нашего воздействия — два с половиной миллиона семей. Сегодня каждый второй житель республики — наш читатель. А что касается самой библиотеки, то это настоящий читай-город. Почти на сто километров растянулись его улицы — стеллажи для книг...

Украшением Алма-Аты стала Государственная библиотека имени А. С. Пушкина.

В мире книг, конспектов, каждодневных открытий...

ТРИ ПОРТРЕТА

Федор РЕШЕТНИКОВ,
действительный член Академии художеств СССР

Столетие со дня Первой передвижной выставки, со времени образования и начала замечательной деятельности Товарищества передвижных художественных выставок. Наш народ праздновал эту дату широко и торжественно. Вся страна чтила тех, кто сто лет назад среди торжества официозного академизма решительно и высоко поднял и понес вперед знамя передового искусства. Искусства, призванного говорить правду о жизни родного народа, вдохновляться его чаяниями, надеждами, радостью и болью.

Одним из заключительных событий обширной, занявшей несколько месяцев программы празднования славного юбилея передвижников стала экспозиция, открывшаяся в залах Государственной Третьяковской галереи,— «Портретная живопись передвижников». Все лучшее, что дало портретное искусство России прошлого века, было собрано здесь во всей полноте и значимости этого жанра. Подобно вершинам, представали шедевры Перова, Репина, Сурикова, Серова. Выставка, составленная из многих великих произведений русской живописной школы, продемонстрировала нам высокое, гуманное и вдохновенное мастерство замечательной плеяды передвижников, которые объединили в своем обществе яркое и многообразное созвездие творческих индивидуальностей, почерков и манер. От чеканной формы Перова, несколько суховатой и скупой в цвете, до мощной пастозной живописи Сурикова и Репина, до отмеченной безупречным вкусом тончайшей валерной техники Серова с его заостренными характеристиками изображенных людей. И целеустремленно и вдохновенно использовали художники-передвижники все это многообразие реализма для того, чтобы передать во всей неповторимости форму и пластику человеческого образа, раскрыть психологию, характер Человека.

Да, именно Человека с большой буквы! Ведь преобладающее большинство портретов, созданных передвижниками, запечатлели выдающихся людей России.

Музыканты Антон и Николай Рубинштейны, знаменитый составитель словаря В. И. Даль, великие писатели России И. С. Тургенев, С. Т. Аксаков, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский... Их облик сохранила для нас правдивая, беспристрастная кисть Василия Григорьевича Перова, художника-демократа и великого гуманиста. Поражаешься глубине и верности психологической характеристики в исполненных им портретах.

Вот перед нами А. Н. Островский, чьи пьесы мы знаем с юных лет. Художник изобразил замечательного русского драматурга так, словно бы Александр Николаевич только что отложил перо, оставил на столе недописанную страницу, на которой, быть может, оживали сказочные образы берендеев, и обернулся навстречу вошедшему к нему художнику. Во взгляде его мы еще читаем то ни с чем не сравнимое состояние человека, которое зовется творчеством. Вообще обратите внимание на то, как написаны глаза в этом портрете. Они устремлены прямо перед собой, добрые, улыбчивые, проницательные. Быть может, во время сеанса писатель и художник беседовали о том, что обоим им было так важно, что оба они хорошо понимали. Перов, наверное, говорил: «Разве радость или какое-либо движение души может выражаться одинаково на всех лицах, на всех типах? Никогда этого не бывает, да и быть не может! Что ни тип, что ни лицо, что ни характер, то особенность выражения всякого чувства. Глубокий художник тем и познается, что изучает, подмечает все эти особенности, а потому его произведение бессмертно, правдиво и жизненно».

Живое многообразие характеров, запечатленных этими двумя русскими талантами — писателем и художником,— пожалуй, равноценно.

Так, словно бы сама собою и оказалась в этом портрете у модели В. Г. Перова живая, непосредственная поза человека, слушающего собеседника и всякий миг готового тоже вступить в разговор. А нам кажется, что мягкая улыбка, таящаяся в уголках рта под темно-русыми усами и в пристальных зрачках светлых глаз, обращена непосредственно к нам, зрителям. И что автор «Грозы», «Снегурочки», «Последней жертвы» готов заговорить именно с нами.

В портрете поражает сила мысли, зоркость взгляда человека незаурядного, с характером решительным, целеустремленным. Таким, по перовскому портрету главным образом, и знаем мы и помним лицо Островского, потому что художник-психолог, убежденный, что «...никто не станет считать передачу одной внешней стороны, хотя бы даже исполненной и до обмана глаза, за истинное искусство», передал не внешний облик, а высокую правду характера замечательного драматурга.

Психологические открытия В. Г. Перова продолжили, гениально развили репинские портретные шедевры, одним из которых можно назвать незабываемый, потрясающий правдой характера портрет Мусоргского. В этом произведении Репина особенно наглядно предстает то новое, что внесли художники-передвижники в понимание портрета в сравнении с академистами, которые как бы подчиняли человека канонам академической живописи, приукрашивая его внешность. Передвижники первыми в русской живописи открыто взглянули на человека, чтобы запечатлеть его таким, как он есть.

В своих произведениях Репин воссоздает раскрывшийся перед ним образ человека. Его портреты достигают такой правдивости, когда уже не остается ничего случайного, а сущность характера, своеобразие личности раскрываются во всей полноте. Эта пронзительная способность высмотреть главное в человеке с годами обретает великую мощь. Вспомним этюды к «Государственному Совету» — эти выразительнейшие, точнейшие характеристики, воссозданные, кажется, считанными взмахами могучей и властной кисти Репина.

Портрет П. М. Третьякова. Глядя на это репинское произведение, поражаешься, сколько правды и любви умел вложить великий живописец в свое творение: Павел Михайлович Третьяков был личностью особенно дорогой для всех русских художников. Стать экспонентом Третьяковской галереи значило тогда, по существу, быть признанным Россией! Репин как-то высказал свое отношение к этому редкому человеку такими словами: «Он довел свое дело до грандиозных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвиг!» Свой подвиг немногословный и тихий — «тишайший», как называли его современники-художники, Третьяков делал незаметно, без шума, с мягким и мудрым достоинством. Таким и изобразил Павла Михайловича Репин в одном из залов его галереи, где в золоченых рамах висели шедевры русской кисти. Конечно, Репин сделал это специально — написал как фон сами залы галереи... Встречаешь этот портрет сегодня там, где ему по праву и находиться,— в Государственной Третьяковской галерее, бесценной нашей сокровищнице родного искусства, и всякий раз повторяется счастливая иллюзия — будто сидит сам Павел Михайлович в сторонке и размышляет над тем, какого размаха достигло начатое им дело.

Из мастерской профессора И. Е. Репина в Петербургской академии художеств вышел Валентин Серов.

Девятилетним мальчуганом начал брать уроки у Репина этот едва ли не затмивший учителя ученик. Во всяком случае, в глазах современников именно Серов-портретист порою казался равным грандиозной фигуре Репина. Да и сам великий мастер, намного переживший своего ученика, писал, потрясенный безвременной смертью Валентина Александровича: «Боже, какая потеря! В самом расцвете! Сейчас ставлю в памяти его дивные создания. Все это самоцветные драгоценные каменья. На всех выставках я раньше всего бежал к его работам».

Да, Серов создал новую эпоху в искусстве. Он оказал громадное влияние, обогатив бесценными открытиями и достижениями сокровищницу национального искусства.

В портретном жанре Серов остается непревзойденным мастером. Обладая бесценным даром остро видеть глубину характера человека изнутри, он всегда находил высокие художественные средства для выражения сущности той или иной личности. Вместе с тем Серову присущ высокий дар цветовидения. И его произведения отличаются богатством и глубиной цвета, который всегда являлся для мастера одним из важнейших компонентов произведения.

Обладая высокой культурой и тончайшим художественным вкусом, Серов создавал произведения, которые всегда притягивают нас своей магической силой. Их хочется рассматривать долго, внимательно. И не только то, что изображено на холсте, а и то, как это сделано, как краски положены, какая технология письма.

Тончайший колорист, Серов в своих произведениях раскрыл нам

И. Репин. 1844—1930. ПОРТРЕТ П. М. ТРЕТЬЯКОВА.
Государственная Третьяковская галерея.

В. Серов. 1865 — 1911.
ЛЕТОМ. ПОРТРЕТ
О. Ф. СЕРОВОЙ. 1895.

Государственная
Третьяковская галерея

В. Перов. 1833—1882. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО. 1871.

Государственная Третьяковская галерея.

НЕ СПЕШИТЕ ЧИТАТЬ БЫСТРО...

Сегодня на каждого из нас приходится больше страниц и строк, которые хотелось бы прочесть, чем вчера. А завтра будет больше, чем сегодня. Только что получил номер еженедельника «Книжное обозрение». Он информирует о выходе 412 книг. За неделю! Как освоить такое богатство, как прочитать если не все, то самое интересное или хотя бы самое нужное?

Специалисты утверждают: можно читать быстрее. Специалисты советуют: читайте быстрее. Как? Появились феномены быстрочтения; имеется немало рекомендаций. Но — довольно сложных...

И вдруг на одной из ярмарок я увидел броский стенд с небольшим, может, чуть больше книги, приборчиком. «Учитесь быстро читать!» — предлагал стенд. И объяснял, как это просто для каждого, кто станет обладателем прибора. «С его помощью можно научиться быстрее читать в 6 и более раз. Прибор для обучения быстрому чтению помогает экономить время инженера и научного работника, врача и геолога, учителя и студента».

Словом, то, что нужно. Хоть и не очень дешево — около 20 рублей. Но зато каков?! Вспомните рекламу...

Написал на завод: когда прибор появится в продаже, каковы его характеристики? Вскоре получил письмо из Актюбинска — ответ директора завода «Актюбрентген» И. П. Шкуренко. Первые же строки удивили. Я просил пообстоятельнее рассказать о приборе, а мне: «Учитывая вашу просьбу, мы сможем выслать вам один экземпляр...»

Я этого не просил, но раз решили выслать... Может, научусь читать быстро? Однако следующие абзацы письма насторожили. «Обращаем ваше внимание,— пишет директор,— что тахистоскоп (так называется приспособление для быстрого чтения) не является прибором, с помощью которого можно быстро читать, а лишь основным тренировочным пособием для обучения быстрому чтению. Сам же процесс обучения включает в себя много элементов и несколько этапов... Ставим вас в известность, что обучение динамическому чтению необходимо проводить вдвоем, так как при тренировках одному невозможно...». И так далее и тому подобное...

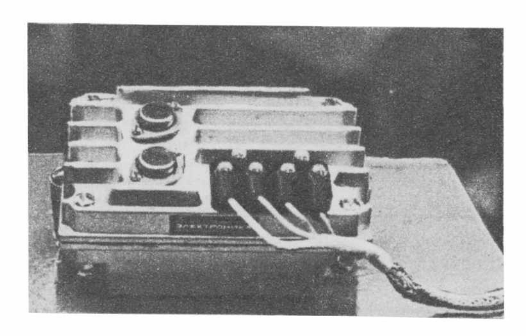
Как же быть с рекламой на ярмарке, с широковещательной инструкцией на стенде? Ведь ее авторы — работники того же завода «Актюбрентген».

...Коэффициент полезного действия от быстрого чтения пока не подсчитан. Это — дело будущего. Но вот коэффициент вредного действия от несостоятельной рекламы несложно определить уже сейчас.

К. БАРЫКИН

Рисунок Е. Ведерникова.

Тиристорный прибор «электроника».

Фото И. Романова.

ДОРОГА — АВТОМОБИЛЬ — ВОДИТЕЛЬ

ПРОСТО «ЭЛЕКТРОНИКА»

Звоню в автомобильный магазин.

— «Электроника» в продаже есть?

— А что это такое? — слышу ответ.

Тиристорный прибор «электроника» — новинка приборостроителей. Он позволяет завести двигатель автомобиля даже при аккумуляторе, разряженном до восьми вольт вместо 12 обычных. Если же аккумулятор совсем испорчен и вы подключите две батареи от карманного фонаря, обычные плоские батарейки, и тогда машину можно будет завести ручкой. Автомобиль легко заводится даже после продолжительной стоянки в зимнее время.

Создатели прибора подчеркивают, что он улучшает ходовые качества автомобиля. Если добавить, что «электроника» увеличивает срок службы аккумулятора, ясно, что такое приспособление может стать для автомобилиста палочкой-выручалочкой...

Знай обо всем этом автомобилисты, засыпали бы письмами магазины. Но лишь в считанном количестве магазинов смогли бы приобрести «электронику». Малое количество тиристорных приборов в торговле можно объяснить только одним: не заказали их в достаточном количестве. «Электроника» впервые появилась на оптовой ярмарке, проведенной в конце прошлого года. Казалось бы, с ярмарки — прямая дорога в магазин.

Но все автомобильные магазины Украины получают в этом году лишь 900 тиристорных приборов «электроника», Белоруссии — 290, Грузии — 30 (именно так — 30!), немногим более того — молдавские, литовские, узбекские. В чем дело?

Обращаемся в министерство. Выясняется: предприятие может довести выпуск «электроники» до 20 тысяч штук в 1973 году. При появлении заявок от торговой сети готовы увеличить выпуск этих приборов.

А в Главкультторге узнали, что заказано всего 5 440 тиристорных «электроник». Неторопливо присматривается к новому товару торговля!

К. КОСТИН

тайну и красоту природы, красоту солнечного света и пасмурного дня, красочную гармонию пленэра.

От образа, который мы видим у Репина, Серов в своих портретах шагнул к более широкому обобщению — созданию о б р а з а-т и п а, нередко социально заостренного. Вот отчего так, казалось бы, несовместимо полярны воплощенные Серовым психологические характеристики. Холодная, надменная княгиня О. К. Орлова и прелестная в своей душевной чистоте и открытости «Девочка с персиками»; яркий, искрящийся жизнью Константин Коровин и величавая, вдохновенная М. Н. Ермолова. Все это не просто портреты — типы.

Портреты близких, дорогих ему людей становятся у Серова воплощением красоты и радости бытия и истинными шедеврами живописи — «Девушка, освещенная солнцем» и представленный на вкладке номера портрет О. Ф. Серовой, жены художника...

Упоительный день русского лета. В густой, пышной траве, на усыпанной цветами лужайке резвятся дети. На крыльце дома сидит молодая мать. Светлые, лучистые глаза полны счастья. Мягкие, прозрачные, теплые тени ложатся на нежную кожу лица, и от этого еще ослепительнее становится струящееся из глаз внутреннее сияние. Кажется, что портрет написан на одном дыхании. Но на самом деле Серов почти всегда работал над своими холстами многие и многие сеансы (иногда до ста!). Порою несколько месяцев искал только позу. Так что Поленов, например, удивлялся, как это тот не засушивает своих вещей, работая над ними так долго.

С великим мастерством написан в портрете О. Ф. Серовой фон — залитый солнцем пленэр. Золотистый, прогретый воздух словно окутывает фигуру женщины. Ее прелестный образ и ликующее цветение лета сливаются воедино, и портрет звучит гимном простому человеческому счастью.

И подумать только, что о создателе этого гимна бытовало мнение, будто Серов не любит человека, старается непременно отыскать и «выпятить» в нем черты отрицательные. «Писаться у Серова становится опасным»,— говорили о художнике его великосветские модели. Что поделаешь, каждый судит со своих позиций.

У великого учителя Серова Ильи Репина позиция была своя: «Серов был сам по себе и по своему художественному складу ближе всех подходил к Рембрандту».

Выставка в Третьяковской галерее еще раз раскрыла перед зрителями необъятное наследие художников-реалистов. Искусство глубокое, гражданственное и необычайно многообразное по почеркам и индивидуальностям мастеров жанра.

Эта выставка явилась громадным событием в культурной жизни нашей страны, значение которого трудно переоценить.

Проходя по многочисленным залам галереи и знакомясь с обширной и интереснейшей экспозицией портретного искусства передвижников, мы испытывали чувство гордости и чувство глубокой благодарности и уважения к великим художникам-патриотам за тот бессмертный подвиг, который они совершили, запечатлев навеки для народа образы выдающихся людей своего времени, прославивших Россию, запечатлев тех, кто составил цвет ее литературы, искусства, науки, общественной мысли, кто олицетворял собою русскую демократическую эпоху, предшествовавшую Октябрьской революции.

Исидор ШТОК
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Сени московского Театра сатиры, что на площади Маяковского. С одной стороны — двери в зрительный зал, откуда выходит публика, с другой стороны — выход на площадь. Слышен отдаленный гул рукоплесканий.

АВТОР ПЬЕСЫ (выходя)*. «Я вырвался, как из омута! Вот наконец и крики и рукоплесканья! Весь театр гремит...

...Нет, не рукоплесканий я бы теперь желал: я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галереи, в кресла, в раёк, проникнуть всюду, услышать всех мненья и впечатленья, пока они еще девственны и свежи, пока еще не покорились толкам и сужденьям знатоков и журналистов, пока каждый под влиянием своего собственного суда. Мне это нужно: я комик. Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех: над ним всякий зритель уже имеет право, всякого званья человек уже становится судьей его».

Показываются несколько одетых в пальто зрителей.

Среди них Возмущенный мужчина средних лет, Пожилой мужчина, видавший виды, Восторженная женщина, Юноша в куртке и с густыми баками, Обыкновенный зритель, Девушка, Добродушный, Не попавший в театр...

ВОЗМУЩЕННЫЙ. Не пойму! Зачем такой веселый и забавный театр после различных смешных пьес взялся за «Ревизора»! Это совсем не его дело. Если я захочу посмотреть «Ревизора», я пой-

* Н. В. Гоголь «Театральный разъезд после представления новой комедии».

Хлестаков. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие...

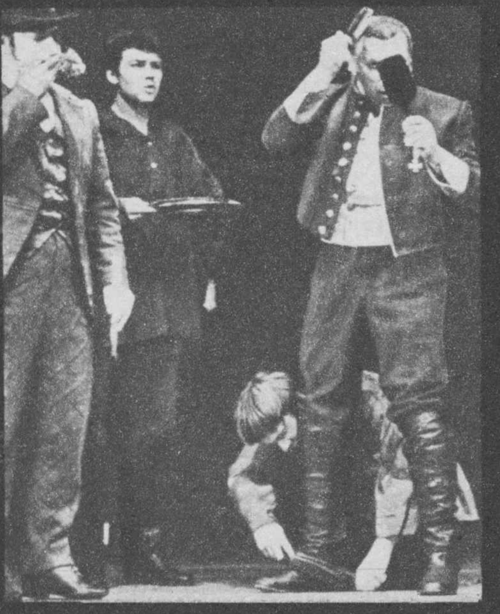
Городничий. У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ

ПОСЛЕ НОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

...Поздравления сливаются в один гул.

Городничий. Я отправлюсь сам... наведаться, не терпят ли приезжающие неприятностей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

ду в Малый, в Художественный. А сюда я хожу, как в женский монастырь,— посмеяться.

ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА, ВИДАВШИЙ ВИДЫ. Ну и ходите, голубчик, туда, куда вам хочется. Вам никто не запрещает. Почему же вы хотите запретить Театру сатиры ставить Гоголя, величайшего из величайших комедиографов мира! Я, например, очень рад, что попал на этот спектакль. Поверьте мне, я за последние пятьдесят лет пересмотрел всех московских и ленинградских «Ревизоров», очень хорошо помню Давыдова — Сквозник-Дмухановского, маленького, старенького, жалкого и мудрого в своем прозрении. Помню Степана Кузнецова, игравшего по очереди Хлестакова, Осипа и Городничего. Помню фееричного Михаила Чехова в роли Хлестакова, безумца без царя в голове. Помню грустного Эраста Гарина в нелепом цилиндре и в четырехугольных очках в удивительном мейерхольдовском представлении... Словом, все помню.

И тем не менее я очень доволен этим спектаклем. Ну, казалось бы, что можно было сказать еще, кроме того, что уже было сказано и играно великими лицедеями! И вот режиссер В. Плучек, артисты А. Папанов (Городничий), А. Миронов (Хлестаков), В. Васильева (Анна Андреевна), Т. Ицыкович (Марья Антоновна), С. Мишулин (Хлопов), Г. Менглет (Земляника), Г. Тусузов (Гибнер), А. Ширвиндт и М. Державин (Добчинский и Бобчинский) и все участники показали зрелище, достойное великого сатирика. Нет, сегодняшний вечер у меня не пропал даром. Я увидел спектакль веселый и одновременно грустный, глубокий и новаторский. Режиссер почти ни в чем не изменил Гоголю и прочел его свежими, нынешними глазами советского художника.

ВОСТОРЖЕННАЯ. Я с вами не согласна! Я ждала, что сатирики покажут нам «Ревизора» в современных костюмах, с явными сегодняшними аллюзиями и ассоциациями. А как было бы интересно, если бы Городничий свой знаменитый монолог («Над кем смеетесь, над собой смеетесь») говорил прямо в публику, обличал бы сидящих в зрительном зале ляпкиных-тяпкиных и держиморд. И на авансцене висело бы большое зеркало. Недаром автор эпиграфом взял народную пословицу: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

ВИДАВШИЙ ВИДЫ. Было, милая, было! И зеркало, и монологи в публику, и бегавшие по зрительному залу полицейские, и Хлестаков, переодевшийся в форму жандарма и возвещавший в финале: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник...» Было! И поверьте, великая комедия не становилась от этого ни острее, ни современнее. Гоголя дополнять не нужно, его нужно понять и воплотить... Это и сделал Театр сатиры. Вы посмотрите, какой успех, взгляните перед началом на толпы желающих попасть ка спектакль. И вы поймете, что, как и сто тридцать шесть лет назад, комедия живет, волнует, смешит, радует. Это ли не лучший показатель бессмертия великого творения!

ЮНОША В КУРТКЕ. Совершенно с вами согласен. (К Восторженной.) Гоголь был и остается совестью людей. Его оружие — справедливость. Неужели вы думаете, что будет справедливым, если хам, тиран и жулик Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский будет разговаривать со зрительным залом, в котором сидят сегодняшние люди, прошедшие войны, революции, строители новой жизни, как разговаривал Городничий сто тридцать шесть лет назад! Над кем смеетесь — над собой смеетесь! Нет, не нужно превращать театр просто в забаву, а великое произведение — в материал для формалистских упражнений.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЗРИТЕЛЬ. Молодец Николай!

ЮНОША (удивленно). Я! Откуда вы знаете мое имя!

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЗРИТЕЛЬ. Нет, я имею в виду Гоголя. Молодец Николай Гоголь.

ДЕВУШКА. Гоголю уже воздали все, что могли. Вы лучше похвалите тех, кто взялся за такой большой и серьезный труд, как постановка «Ревизора», и одержал победу.

ВОЗМУЩЕННЫЙ. Позвольте! А что вы нового увидели в спектакле Плучека! Неужели вам понравились монологи и апарты действующих лиц, произнесенные по радио, как будто мы сидим в кино! Или взбалмошная, романтическая дура Марья Антоновна, или сцена вранья, доведенная до фантасмагории! Или финальная сцена, когда действующие лица лепятся под знаменитым андреевским памятником!

ДЕВУШКА. Да, очень понравилось! Вся гамма цветов художника В. Левенталя, музыка Ю. Буцко, вся атмосфера. Я увидела не стилизацию, не подделку, не версию, а подлинник.

НЕ ПОПАВШИЙ В ТЕАТР. Как я вам завидую! Я вот не смог достать билета.

ДОБРОДУШНЫЙ. Ну, вы еще достанете. Спектакль только начинает жить. И будет жить долго. Да, я думаю, мы с вами еще увидимся здесь, в зрительном зале. Я еще раз обязательно посмотрю «Ревизора».

Они проходят. Остается один Автор.

АВТОР. «Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков!»**

** Там же.

РАЗЪЕЗД СТАРОЙ КОМЕДИИ

Городничий. Вот смотрите, смотрите, весь мир... как одурачен городничий!

ПОСЛЕДН

М. МАЛЯРОВ,
Государственный советник юстиции I класса

Рисунок И. БЛИОХА.

О том, что это его последняя ночь, Геннадий Суровцев не знал. Он вообще не верил, что скоро наступит такая ночь, которая для него будет последней. Все его молодое тело сопротивлялось тому неизбежному, что по приговору суда скоро должно было случиться.

Геннадий Суровцев, 19 лет, рабочий, четыре месяца назад за грабеж и убийство двух человек был осужден к расстрелу. Сейчас он ждал решения своей судьбы. В ходатайстве о помиловании он раскаивался и просил пощадить его жизнь. Жить, во что бы то ни стало жить — эта мысль не покидала его ни на одну секунду с того момента, как услышал приговор суда. Четыре месяца одиночного заключения наложили на Геннадия печать. Лицо бледное, с желтизной и немного опухшее. Плечи опустились, и вся некогда стройная фигура как-то надломилась, как будто из позвоночника вынули позвонок. Говорят, что заключенные все время ходят по камере из угла в угол. Нет, Геннадий давно уже не ходит, он больше лежит на железной койке, прикованной к цементному полу, или сидит на табурете, которая тоже прикована.

Вот и сейчас Геннадий почти с самого обеда, к которому он не притронулся, сидит на табурете, склонив голову на железный стол, и думает, думает.

О чем он думает? Все о том же — о своей жизни, которой грозит смерть, может быть, скорая, может быть, сегодня.

Сосредоточиться на чем-либо, кроме мысли о грозящей ему смерти, Геннадий не может. Жить, жить, жить. Конечно, он будет жить. Прокурор на суде говорил, что строгое наказание убийцы послужит серьезным предупреждением для других преступников.

Но неужели он, Геннадий, должен своей жизнью спасать каких-то неведомых ему преступников? Неужели он своей смертью должен предупредить другие преступления? А если этих преступлений больше не будет, значит, его смерть будет напрасна? Разве его смерть может что-либо изменить? Убитых им людей не воскресить. Зачем же убивать и его, такого молодого и сильного? Он исправится, будет много и тяжело работать, только пусть сохранят жизнь. А может быть, он вообще напрасно волнуется. Может быть, приговор вынесен только для острастки? Говорят, что осужденных к расстрелу не расстреливают, а направляют на работу в какие-то рудники, а через много лет освобождают. Он, Геннадий, сам слышал такие разговоры. Да, наверное, так и будет — заменят расстрел лишением свободы, и поедет он работать и будет жить, может быть, долго, долго. Интересно, что там происходит, на воле. Мать, наверное, приготовила обед, ждет отца с работы. Брат Женя и сестра Галя еще не пришли из школы. Скоро все соберутся и будут обедать.

Наверное, мать приготовила борщ, голубцы или мясо с макаронами и компот. Сладкий — из яблок и слив. Как давно он не обедал по-настоящему и как давно не спал по-настоящему. Геннадию кажется, что все это было когда-то в какой-то иной жизни. Чистая, теплая постель, радио, телевизор, кино и даже театр. Одежда чистая, постель мягкая, а еда горячая и вкусная-вкусная. День сменялся ночью, снова наступал день. А тут он не может сказать, день сейчас или ночь. Лампочка тускло освещает камеру круглые сутки. Первое время он не мог спать при свете, теперь привык. Но спит ли он вообще? Геннадий не уверен в этом. На постель ложится, закрывает глаза. А мозг, мозг все время напряженно работает. Слух обострен до крайности. Правда, звуки с воли в камеру почти не проникают, но тем громче кажется каждый стук и каждый шорох. Вот слышны шаги, может быть, это идут за ним? Нет, прошли мимо. Чаще всего в камере мертвая тишина, порой так тихо, что начинает звенеть в ушах. В такие часы очень хочется спать, но сон не приходит. Сон и явь — все перепуталось.

Пытаясь сосредоточиться, Геннадий встает, делает несколько шагов по камере и снова садится. В углу, там, где туалет, падают капли воды, и звук их напоминает стук маятника.

Так стучали часы у мамы на кухне.

А сколько сейчас времени, наверное, скоро вечер, нет, кажется, уже ночь. Несут ужин...

Да, уже ночь. Длинная ночь, еще одна и, может быть, последняя. «Нет,— решает Геннадий,— не буду думать об этом, а буду вспоминать все, что было в моей жизни». Вспоминать — это все равно что смотреть кино, кино о себе. И Геннадий начинает вспоминать.

Ему девятнадцать. Много это или мало? На свободе Геннадию казалось, что он живет давно, прожил много и видал столько интересного в жизни. А теперь? Теперь ему кажется, что он почти и не жил. А будет жить только, когда ему объявят, что его помиловали, вот тогда он начнет жить, пусть даже не на свободе, работая от зари до зари, но будет жить и наслаждаться жизнью.

Работать от зари до зари. А видал он когда-нибудь зарю? Нет, кажется, не видал. Он слышал от других и много раз говорил сам: «Взошло солнце, зашло солнце»,— а вот как оно всходит и как заходит, он, кажется, не помнит. Просто он не обращал на это внимания. Где-то читал, кажется, стихи, где было написано, как пахнут травы. Не цветы, а именно травы. А он никогда не слыхал этого запаха да и не замечал и самой травы. Просто шагал по лесу, по полю, а что там у него под ногами, трава или цветы, и пахнут ли травы, не обращал внимания. А теперь будет, на все будет обращать внимание.

Что же он хотел вспомнить интересного и важного в своей жизни?

Оказывается, и вспоминать нечего.

Геннадий хорошо помнит день, когда мама повела его в первый класс.

Было теплое, солнечное утро.

Геннадий впервые надел новую ученическую форму, кожаные ботинки и нес в руках черный большой портфель. Ему было неудобно, что мама ведет его за руку. Ведь он не маленький, он идет в школу.

Геннадий гордится и новым костюмом, и ботинками, и портфелем. Он посматривает по сторонам. У кого еще такой костюм и такой портфель? Некоторые мальчики одеты, как и он, в новые костюмы и несут портфели. У других костюмы похуже и ботинки не такие блестящие, как у него, а вместо портфеля старые ранцы.

Из школы Геннадий пришел в приподнятом настроении и сказал отцу, что учительницу зовут Мария Сергеевна и что он научится всему-всему и сам будет учителем. Отец погладил его по голове, а мать угостила вкусными пирожками. Все это Геннадий помнил очень ясно.

Но как прошли школьные годы, почти не помнил. Кое-как дотянул до восьмого класса и заявил родителям, что пойдет работать, а учиться больше не будет. Родители не спорили. Хочет работать, пусть работает. Школьные годы остались позади. Геннадий — рабочий, он в первый же день постарался так измазать спецовку, как будто работал в ней не менее года. После смены нарочно не умылся и шел домой, гордо поглядывая по сторонам. Однако очень скоро все стало будничным. Но первая получка запомнилась надолго. Расписавшись в ведомости, Геннадий получил конверт с деньгами. Мельком взглянув на сумму, написанную на конверте, положил его в боковой карман. Деньги были новенькие, хрустящие. До конца рабочего дня еще было далеко, и Геннадий несколько раз трогал себя за карман, как бы желая убедиться, на месте ли конверт. Деньги были на месте. Кончился рабочий день, и Геннадий, проходя огромным цехом, а затем через весь заводской двор, думал о том, как он сейчас купит матери цветастый платок, отцу портсигар, брату спиннинг, а сестре торт, она сластена.

У проходной Геннадия поджидали мастер Степанов и два дружка, собственно, они даже и не дружки, а так, знакомые.

— С получкой тебя,— улыбаясь, сказал Степанов.— Полагается обмыть, или ты жмот?!

Слово «жмот» показалось крайне обидным.

— Если полагается обмыть, обмоем.

— Пошли,— скомандовал Степанов.

Мастер появился на заводе года два назад. Среднего роста, худощавый, часто небритый, производил он впечатление весьма нелестное. Однако считался знающим свое дело, хорошим специалистом. Поговаривали, что раньше за что-то сидел в тюрьме и любит выпить за чужой счет. Проходя мимо пивной, Геннадий предложил: «Ну что, по кружке пива?»

Степанов поморщился.

— Хочешь по дешевке. Так работяги не поступают. Пойдем в ресторан, посидим как люди, выпьем, закусим.

Геннадию жаль было денег и не хотелось идти в ресторан, однако отказываться не решился.

Заняли столик. Заказывал Степанов. Водку, пиво, заливное, отбивные. Выпили сразу по полстакана. У Геннадия зашумело в голове. Мастер и дружки стали роднее и ближе. Хотелось обнимать их, говорить какие-то хорошие слова, быть щедрым.

Снова выпили. Геннадий широко улыбался и без конца повторял:

— Моя первая получка. Пейте, ребята, первая получка.

Ребята пили, чокались с Геннадием и поздравляли с первой получкой. Подошел пожилой официант.

— Может быть, подсчитаем, молодые люди?

— Плачу за всех,— заплетающимся языком сказал Геннадий.

— Это само собой.— Степанов поднялся и, не попрощавшись, ушел. Не было рядом и двух его дружков.

Геннадий в тумане видел стол, который медленно покачивался то в одну, то в другую сторону.

— Ну, молодой человек, давайте рассчитаемся,— напомнил о себе официант.

Геннадий достал из кармана конверт с деньгами, посмотрел в него и, вынув хрустящие бумажки, начал считать их.

— Сколько? — спросил.

— 68 рублей 40 копеек.

В конверте оказалось 72 рубля. Получив сдачу и присоединив к ней оставшиеся 2 руб-

Я Я НОЧЬ

ля, Геннадий, слабо соображая, что происходит, сказал:

— Это моя первая получка.

— Бывает, молодой человек, бывает. Будьте здоровы, до свидания.

Как дошел домой, Геннадий не помнил, но вот встреча с родителями запомнилась на всю жизнь. Отец сердито сказал:

— Где ж это ты?!.

Пьяно улыбаясь, сын ответил:

— Традиция, отец, первая получка.

— Первый шаг пьяницы,— наотмашь ударил Геннадия по лицу отец. Мать не защитила Геннадия и не осудила отца. Брат и сестра отвернулись, делая вид, что это их не касается и что они ничего не заметили. Утирая слезы, Геннадий, ни к кому не обращаясь, как бы оправдываясь перед самим собой, повторил, всхлипывая:

— Первая получка, первая получка.—С тем и заснул...

Утром его растолкала мать.

— Вставай, пьяница, проспишь на работу.

Геннадий поднялся. Голова была тяжелая. Поставив на стол сковородку с жареной картошкой, мать сказала:

— Ешь, кормилец...

По дороге на завод Суровцев старался вспомнить подробности вчерашней выпивки. Но воспоминания были отрывочны, нестройны. Помнил, что много пил. С кем-то чокался, обнимался, а потом его все оставили, и он, заплатив по счету, каким-то чудом добрался домой.

А, собственно, зачем это он затеял? Зачем истратил все свои трудовые деньги, какое получил удовольствие? Ладно, продолжал убеждать себя, поступил по традиции, угостил мастера и друзей, напился сам — и баста, больше это не повторится.

Успокоив себя, Геннадий прошел в цех. Работа не ладилась. Станок словно подменили.

— Ну как, вкалываешь? — спросил мастер.— Голова после вчерашнего не болит?

— Не болит.

— Не падай духом, после работы зайдем, поправишься.

— Не буду я больше пить, да и денег нет. Вчера все пропил.

— Не беда, на пол-литра найдем. Сегодня я плачу.

Геннадий твердо решил, что пить не пойдет, хватит с него вчерашнего.

Однако после смены за воротами завода его догнал Степанов, мягко взял под руку.

— Ну что, красна девица, куда спешишь? Пропустим по маленькой, с меня причитается. Вчера ты угощал, сегодня я...

— Не буду... Мутит меня.

— Э, работяга, оттого и мутит, что не умеешь пить. Вот пропустим по маленькой, и все в порядке.

Суровцев не смог бы объяснить, почему он поддался уговорам мастера. Выпил. И действительно, стало легче.

— Вот видишь, я же говорил, надо уметь пить. Со мной не пропадешь.— На этом они расстались, и до следующей получки мастер с Геннадием почти не разговаривал.

Но снова получка, и опять пьянка.

Геннадий поднялся с табурета, прошелся по камере, сел...

Как же случилось, что он поддался уговорам и снова пропил получку? Объяснить этого Геннадий не мог. Не проявил характера. А может быть, снова захотелось почувствовать, как хмелеет голова. Нет, Суровцев не мог объяснить, как он снова напился. Просто напился, и все. Смутно помнил, что он кричал, пел, с кем-то целовался, затем его кто-то ударил или, может быть, он кого-то ударил, а что было дальше — не помнит.

Домой Геннадий не попал. Проснулся... в вытрезвителе. Потом за пьяный дебош получил пятнадцать суток. Как он прожил эти пятнадцать суток, стыдно вспомнить. Подметал улицу, убирал мусор, выходил на работу и уходил с работы под конвоем. Смертельно боялся Суровцев случайно встретить на улице кого-либо из своих знакомых, особенно Тосю.

Выйдя из милиции, Геннадий не осмелился идти домой и две или три ночи провел у своих дружков. Наконец он решился. Будь что будет, и пришел домой.

Крик и ругань отца, слезы матери и укоризненные взгляды брата и сестры. Тогда впервые почувствовал он себя чужим в семье. Но впереди предстояло еще одно, может быть, самое тяжелое испытание — товарищеский суд.

В клубе после работы собрались почти все рабочие цеха. За столом, покрытым красной скатертью, сидели члены товарищеского суда. Председатель, молодой слесарь, говорил так, что Суровцев не мог понять, сочувствует ему председатель или осуждает. Члены суда, товарищи по работе, молодые рабочие Тихон Горбатов и Николай Степаков, положив на стол руки, хранили молчание.

Небольшой зал был полон. Геннадий сидел в первом ряду. «Лучше бы взяли штраф или предали народному суду, а то выставили на позор перед всем цехом»,— так думал Суровцев. Председательствующий постучал по стакану карандашом.

— Товарищеский суд будет рассматривать дело рабочего Геннадия Суровцева.

— Суровцев, вы доверяете суду рассматривать ваше дело, отводов не имеете?

— Доверяю. А какие отводы?

— Ну вот и хорошо. Расскажи, Геннадий, как ты дошел до жизни такой?

— До какой жизни?

— А вот до какой — пьянство, дебош, прогулы. Разве не ясно?

— Ясно. Как дошел? Так и дошел.

Суд продолжался недолго. Выступали товарищи, говорили, что, если бы не пил Геннадий, был бы хорошим рабочим. Что еще говорили, он почти не слушал. Ему было стыдно.

Нет, такого он еще никогда не переживал. Скорее бы вырваться из этого зала. Уйти, убежать куда-нибудь и побыть одному, не слышать этих горьких упреков. Наконец приговор: за систематическое пьянство и дебош объявить выговор.

Снова потянулись однообразные будни. Геннадий избегал своих дружков, особенно Степанова.

Но спустя месяц или больше Геннадия как бы случайно встретил мастер и, не здороваясь, спросил:

— Ну, как сыграл на пианино?

— На каком пианино?

— А когда был в милиции, разве у тебя не взяли пальчики?

— Какие пальчики? Какое пианино? — еще больше удивился Геннадий.

— Брось, не прикидывайся дурой. Отпечатки у тебя снимали?

Геннадий вспомнил, что в милиции у него действительно сняли отпечатки пальцев и заполнили какую-то карточку.

— Ну, снимали, а что из того?

— А то, что ты теперь меченый, попадешься на каком-нибудь деле, сразу найдут, если оставишь след.

— Какой след, какое дело, о чем ты говоришь? Никаких дел у меня нет и не будет.

— Не зарекайся,— хитро подмигнул Степанов,— все в жизни бывает.— И, не попрощавшись, ушел.

Прошло много времени. Геннадий работал, старался забыть о том, что с ним произошло.

Что же было дальше, о чем вспомнить? На какой кусок жизни еще хотелось бы посмотреть Геннадию? И он вспомнил свою первую любовь. Однажды на танцплощадке он встретил девушку среднего роста, блондинку, в модном платье и белых туфельках. Она стояла в сторонке и явно кого-то ждала.

Глаза у девушки были синие, опушенные густыми черными ресницами, брови тонкие, загорелое лицо, полные губы и хорошая улыбка. Геннадий долго незаметно наблюдал за девушкой, почему-то не решаясь подойти к ней.

— Вы танцуете?

— Нет, стою.

Геннадий растерялся, не зная, что сказать.

— Нет, я спрашиваю, вообще вы танцуете?

— Вообще танцую.

— Может быть, со мной?

— Что с вами?

— Ну, станцуете?

— Это вы так приглашаете на танец?

— А как же приглашать?

— Не знаю, наверное, как-то иначе.

— Пожалуйста, прошу вас.

— Ну, это другое дело,— сказала девушка и, положив руку на плечо Геннадия, вошла в круг. Танцевала девушка легко. Руки ее на своем плече Геннадий не чувствовал. Он глядел в синие глаза, и ему казалось, что он не танцует, а куда-то летит, как это бывает во сне, а на душе так легко и так невыразимо тревожно. За вальсом последовали другие танцы, которые он танцевал с Тосей — так звали девушку,— а затем проводил и домой. Прощаясь, робко спросил, где и когда он сможет ее увидеть снова. И начались счастливые дни. Сколько их было?! Дни летели один за другим. Ждать вечера, ждать встречи с Тосей для Геннадия стало потребностью, обязанностью, просто жизнью. Впервые Геннадий любил. Любил так, что готов был умереть, если бы Тося попросила его об этом. Он весь как-то преобразился. Стал задумчив, даже мечтателен. Родные заметили эту перемену, но не знали, чему ее приписать.

Суровцев скрывал свою любовь от родных и близких, берег ее как драгоценность и был счастлив, безмерно счастлив. Чем бы эта любовь кончилась? Конечно, он бы женился на Тосе, только на ней, и никогда и никакая другая девушка не заняла бы ее место в его сердце. Так думал Геннадий, так он говорил Тосе о своей любви, и Тося верила. Они были счастливы. Но... произошло непоправимое.

Он все-все отдал бы, чтобы только этого не произошло. Ему так хотелось бы думать, что все, что с ним случилось,— это дурной сон. Вот он проснется — и все будет по-прежнему. Но это был не сон. Это была действительность.

По тому, что в камеру через маленькое, затянутое толстой решеткой окно не проникал дневной свет, Геннадий понял, что наступила тюремная ночь. Сколько еще он проведет таких ночей в своей камере? Сегодня особенно долго тянется время.

Так что же было и как это произошло?

Тогда в Москве стояла августовская жара. Студенты разъехались на каникулы, уехала и Тося. Геннадий очень скучал. Чувствовал себя одиноким.

И вдруг на его пути снова возник Степанов. В очереди у киоска «Пиво-воды» кто-то крепко взял Суровцева за локоть.

— Здорово, старик, как живешь?

Повернувшись, Геннадий увидел мастера. Рядом стоял человек средних лет, с бледным, осунувшимся лицом.

— Знакомься, Гена, мой брательник.

Геннадий пожал протянутую руку.
— Что делаешь, старик? — Мастер улыбался.
— Да вот хочу выпить пива.
— Брось! Охота стоять в очереди?! Пойдем, выпьем за встречу коньячку, я угощаю, вот брательник приехал, надо угостить.
— Я не пью.
— Не пьешь? Вот уморил. Курица и та пьет. Не ломайся, пойдем выпьем.
Уйти бы Геннадию, наотрез отказаться от приглашения, и все было бы иначе. Но он не ушел.
В павильоне парка заняли столик, заказали закуску, а коньяк мастер вынул из кармана пиджака.
— Дерут, — объяснил.
Разлили, чокнулись. Геннадий прочел на руке брата мастера татуировку «вор», дальше надпись уходила под манжету рукава.
Когда распили вторую бутылку и Геннадий почувствовал себя чуть ли не другом собутыльников, он спросил у брательника:
— Что это у тебя за надпись на руке?
Георгий — так звали брата мастера — убрал руку со стола, пристально глянул на Геннадия и ничего не ответил. Мастер сказал:
— Да это он сдуру в заключении сделал наколку «вор в законе».
В тот раз Геннадий сильно напился, дня три не выходил на работу, а когда пришел на завод, к работе его не допустили. Уволен за прогул. Домой Суровцев не пошел, а дождавшись конца смены, теперь уже сам встретил мастера и рассказал ему о своей беде.
— Не тужи, старик, поможем как-нибудь, — сказал Степанов и предложил выпить.
И снова Геннадий тяжело напился, ночевал в парке, а затем у своих дружков. Деньги кончились. Продал плащ и ботинки. «Что же будет дальше?» — с тревогой и смутной надеждой на лучшее думал Геннадий.
Степанов наблюдал за Геннадием и как будто чего-то ждал. И вот однажды не то с сочувствием, не то с издевкой сказал:
— Ну, старик, кажется, ты дошел. Что ж, так и будешь жить на мой счет?
— На какой счет?
— А пить и жрать за мои деньги, разве не понятно?
— Понятно, — сказал Геннадий, — но я отдам.
— Адам был хороший человек... Отдам, а где возьмешь?
— Буду работать.
— Вот, давно бы так! Надо работать...
И предложил работу...
В пятницу после смены Геннадий снова оказался около проходной завода.
— А, Гена, как дела?
— Плохо.
— Что такое?
— Да так!
— Ну, приходи сегодня вечером в парк, надо поговорить.
— Нет, я сегодня не могу. Занят, да и о чем говорить?
— Чем занят? Пить на чужие деньги у тебя время есть. А встретиться с друзьями — занят. Приходи обязательно. — И, не дождавшись ответа, ушел.
Чувствуя себя чем-то связанным с мастером, Геннадий не нашел в себе силы отказаться от встречи и пришел.
Снова была выпивка и серьезный разговор. Георгия при разговоре не было.
— Понимаешь, Гена, Георгий, как ты уже, наверное, догадался, недавно из заключения. Сидел за одно дело. А теперь он «сухой». Без работы и без денег да и без жилья. В Москве ему жить нельзя. Надо помочь. Поможем?
— А чем я могу помочь? Денег у меня нет. Жить у меня негде, да и сам говоришь, что в Москве ему жить нельзя.
— Не об этом речь. Какие у тебя могут быть деньги! У меня тоже нет денег, а помочь надо. Понимаешь, надо. Иначе ему труба. Снова в тюрьму. А поможем, он уедет куда следует, далеко — и порядок. Понял?
— Нет, не понял.
— Э, простота. Надо взять квартиру.
— Как взять?
— Говорю, надо взять квартиру. Георгий присмотрел одну. Сегодня и возьмем. Инженер уезжает на дачу. Риска нет. А квартира богатая: инженер, и деньги держит дома.
— Залезть в чужую квартиру?
— Вот именно. Правильно. Теперь ты все понял.
— Я не согласен. Вором не был и не буду.
— Нет, фраер, будешь. Пил с нами, жрал. Без денег. На дармовщинку, а помочь друзьям не хочешь?! Прячешься в кусты! Не выйдет, старик. Один раз поможешь — и черт с тобой. Мы тебя не знаем, ты нас не знаешь. Понял?
— Понял, но не пойду.
— Пойдешь! А почему не пойдешь? Боишься запачкаться? Так это же дело простое. Возьмем деньги, барахла немного. Инженер еще наживет, а риску никакого. Квартира пустая. Будем с тобой в расчете, да и тебе перепадет. Понял?
— Понял. Если считаешь, что я должен за выпивку, я отдам. В получку отдам.
— Какая там у тебя получка!
— Не могу. Страшно и стыдно.
— Чего страшного? Пустой квартиры? Кого стыдно? Кто будет знать — никто. Ну, договорились?
Может, пойти с ними? Один раз. Пусть потом отвяжутся. Раздумывал Геннадий и молчал.
Степанов заметил его колебания и нажал:
— Ну, брось мучиться. Подумаешь, дело. Почистим квартиру. Другие не то делают. Понял?
— Боюсь, а вдруг поймают — ведь тюрьма.
— Какая тюрьма, дура, кто тебя будет ловить в пустой квартире. Этаж последний, лифта нет. Никто ничего не заметит. Все будет шито-крыто.
— Боюсь.
— Вот заладил: «Боюсь. Боюсь»! Чего бояться? В полчаса обделаем дело. Ну, еще по одной. Встретимся в десять вечера у Каменного моста. Смотри не подведи.
Геннадий как-то помимо своей воли кивнул головой, и они разошлись.
В августе в десять часов вечера в Москве еще светло. Во всяком случае, в это время на улице много гуляющей публики, у подъездов домов любители забивают «козла», а старушки обмениваются новостями.
В одном из переулков, примыкающих к старому Арбату, стоит пятиэтажный, почерневший от времени дом. В подъезд дома смело, как к себе домой, вошли Степанов, его брат и Геннадий и стали медленно подниматься на пятый этаж.
У Геннадия дрожали руки и ноги, весь он покрылся потом. Бросить все, сбежать, пока не поздно. Эта мысль не покидала.
На площадке перед дверью остановились.
— Ну, Геннадий, как условились, ты с Георгием идешь в квартиру, а я на стреме. Если что — свистну. Да, вот еще, Геннадий, возьми этот топорик. Может, придется вскрыть какой шкаф или шкатулку.
— Нет, не нужно, мы так.
— Как так, бери, не помешает, а может, придется обороняться.
— Обороняться? В квартире же никого нет.
— Сейчас нет, а вдруг кто зайдет, я же не смогу его остановить.
— Квартиру мы закроем.
— Ну, идите, идите, не торгуйтесь, ни пуха ни пера!
Геннадий, почти не сознавая, что делает, взял из рук мастера маленький туристский топорик и засунул его за пояс брюк. Георгий как-то быстро, по-хозяйски открыл дверь в квартиру.
Георгий задержался у вешалки, снял с крючка кожаное пальто, зашел в комнату, открыл платяной шкаф и стал выгребать из него вещи и складывать в мешок. Геннадий вошел в комнату, очевидно, служившую кабинетом, и открыл ящик письменного стола. В ящике лежали бумаги, готовальня, лотерейные билеты, блокноты. Волнуясь и спеша, Геннадий быстро просматривал содержимое ящика, надеясь найти деньги. В это время раздался свист — сигнал тревоги. Геннадий рванулся к двери и лицом к лицу столкнулся с человеком в темно-синем плаще.
Тот, чуть отпрянув, испуганно спросил:
— Что вы здесь делаете? — и схватил Геннадия за левую руку.
В мозгу Геннадия, как молния, блеснула мысль: пропал, засыпался, теперь тюрьма, на долгие годы. Не помня себя, Геннадий даже не сказал — выдохнул:
— Пусти, гад, убью! — И тут же, выхватив из-за пояса топорик, ударил им наотмашь.
Крик «Вася! Вася!» раздался в комнате, и Геннадий, оторвав свой взгляд от повалившегося на пол, так внезапно убитого им человека, увидел перед собой женщину. Не успев прийти в себя после совершенного убийства, Геннадий, как бы продолжая начатое дело, с тупым равнодушием, желая только, как ему казалось, избавиться от страшного крика, леденящего душу, нанес удар. Женщина рухнула на пол, глухо застонав. Наклонившись над упавшей, Геннадий испугался ее широко открытых глаз, застывших и блестевших, как две льдинки...
Когда через несколько дней его арестовали и, завернув руки за спину, защелкнули на них наручники, он не удивился.
При допросе Суровцев не то чтобы уходил от ответственности, но и не признавал себя виновным в умышленном убийстве. Он упрямо твердил, что инженера убил, обороняясь, боясь, что тот его задержит и убьет, а жену инженера убил, находясь в невменяемом состоянии.
Версия об убийстве в состоянии обороны, как это видел и сам Геннадий, не выдерживала никакой критики. Следователь довольно логично разъяснил Геннадию, что не инженер пришел к нему на квартиру, а он, Геннадий, проник на квартиру к инженеру с целью ограбления, вооружившись топором, и убил владельца квартиры, пытавшегося задержать грабителя.
Судебно-психиатрическая экспертиза признала, что Геннадий в момент совершения преступления был вменяем и за свои действия несет полную ответственность.
— Вменяем. Значит, будут судить.
Судили всех троих. Мастер сидел насупившись, не поднимая головы. На вопросы суда отвечал резко и кратко.
— Да, пил с Геннадием. Принимал угощение. Так поступают все. (Кто все — он не знает. Все, он так думает.)
Его брат с вызовом осматривал публику. Держался развязно.
— Да, согласился ограбить квартиру инженера. Но сделал это по просьбе брата, чтобы помочь Геннадию. Об убийстве не было договоренности. Геннадий — псих, и я за него не отвечаю.
Судьи сидели на больших стульях с высокими спинками, на которых вырезан государственный герб. Судей трое. Средний стул выше других, и на нем сидела женщина-судья, сравнительно молодая. Лицо доброе, а глаза очень строгие. Она задавала вопросы, не повышая голоса. Геннадий не помнит всех вопросов, но некоторые врезались в его память.
— Признает ли Геннадий Суровцев себя виновным в умышленном убийстве инженера Гаврилова и его жены?
— Нет, не признаю, — почти выкрикнул Геннадий, боясь, что его не услышат. Он не хотел убивать, он оборонялся от инженера. Инженер хотел его задержать. Испугался. Боялся тюрьмы.
— Зачем убил жену инженера?
— Зачем убил и когда убил, не знаю. Не помню. Был невменяем.
Геннадий помнит, что при его ответе в зале зашумели, и судья постучала карандашом по стакану, попросила тишины.
Другим членом суда был совсем молодой парень. Наверное, не старше Геннадия. Он задал несколько вопросов:
— Был ли комсомольцем?
— Когда-то был, еще в школе, а потом выбыл.
— Почему?
— Да так, прорабатывали за плохие отметки, за опоздания на уроки. На производстве в комсомольскую организацию не заходил. Считал себя переростком.
— Пытались ли привлечь к комсомольской работе?
— Пытались, но не захотел. Сказал, что некогда. Буду вечерами учиться. Но на учебу тоже не поступил.
— Почему?
— Не знаю. Наверно, было некогда.
— Чем был занят?
— Да так, кино, иногда выпивки с друзьями, танцы.

Пожилой член суда задал один или два вопроса: как к Геннадию относились его родные? Знали ли они о выпивках?

Геннадий оглянулся в зал. Увидел постаревшего отца, а рядом с ним плачущую женщину, в которой с трудом узнал мать.

Да, родные знали о его поведении, знали о выпивках, уговаривали вести себя хорошо, бросить пить. Он обещал, но...

Геннадию стало так жаль своих родителей, он едва не заплакал и, замолчав, стоял и смотрел на членов суда.

Геннадий очень внимательно смотрел на прокурора, сидевшего слева от суда за отдельным столом. С большой копной седых волос, в темно-синем кителе, с одной золотой звездой, вышитой на петлицах, орденской планкой и университетским значком прокурор выглядел очень внушительно. Ранее Геннадий никогда не видел прокуроров и почему-то представлял их обязательно в очках, желчными, резкими и худыми. А этот прокурор был полный, без очков, с мягкими чертами лица и приятным, тихим голосом. Вопросы задавал вежливо, не повышая голоса, внимательно выслушивал ответ и снова задавал как будто тот же вопрос, но в иной форме.

Геннадий проникся симпатией к прокурору, и где-то в глубине души таилась надежда, что такой прокурор не потребует строгого наказания. Всю обвинительную речь прокурора Геннадий слушал как во сне. Он умышленно пропустил суть ее, сосредоточиваясь на том, что скажет прокурор в конце речи. И, словно пораженный громом, Геннадий услышал, что прокурор требует для него смертной казни.

Геннадий ни на что не реагировал. Его мозг сверлило одно слово — смерть.

Что говорил в своем последнем слове? Кажется, просил сохранить ему жизнь. Почему последнее? Разве он больше не будет говорить ни с кем и ни о чем, и что ему сказать сейчас, ведь сейчас приговор, а затем — конец...

Геннадий встал с табурета, прошелся по камере и снова сел.

Спать он не мог, на душе было неспокойно. Интересно, который час? За решеткой как будто посветлело: наверное, скоро утро. Геннадий сидя задремал и вдруг услышал, что возле его камеры послышались шаги и скрежет открываемого замка. Суровцев похолодел, вскочил с табурета и с испугом и с надеждой ждал, кто войдет и что ему скажут. В камеру вошел дежурный надзиратель и с ним еще двое.

— ...Суровцев Геннадий Иванович? — спросил один из надзирателей.

— Я, — ответил Геннадий.

— Собирайтесь на беседу с прокурором.

— Сейчас?

— Да, сейчас. Быстро.

Геннадий одернул на себе пиджак, подтянул брюки и шагнул через порог.

Они шли коридором, и Суровцев смутно догадывался, что это конец, но еще не совсем верил в догадку и надеялся... Геннадий не заметил, как оказался в большой, светлой комнате. За столом сидел пожилой человек в прокурорской форме, начальник тюрьмы и еще какой-то военный.

— Я старший помощник прокурора области, — сказал человек в прокурорской форме и внимательно посмотрел на Геннадия.

Геннадий молчал.

— Ваша фамилия, имя, отчество? — продолжал спрашивать прокурор.

Геннадий ответил.

— Год и место рождения?

— Когда, каким судом и к какой мере осуждены?

Геннадий отвечал, почти не слыша своего голоса.

— Подавали ли вы ходатайство о помиловании?

Этот вопрос вывел Суровцева из состояния подавленности. Геннадий понял, что сейчас он узнает все, чего ждал долгие месяцы. Жить ему или умереть.

— Да, да, подавал, и отец тоже подавал, — почти выкрикнул он.

Прокурор помолчал несколько секунд, открыл кожаную папку, вынул из нее документ, тихо сказал:

— Объявляю вам, Суровцев Геннадий Иванович, что ваше ходатайство о помиловании отклонено и приговор сейчас будет приведен в исполнение.

Геннадий расширенными от страха глазами смотрел на прокурора, судорожно проглотил горькую слюну, хотел что-то сказать, но никак не мог и наконец выдавил из себя:

— Как, сейчас?

Прокурор ничего ему не ответил.

Все встали и вышли в смежную небольшую комнату. Геннадий почти не соображал, что с ним делают, он только мысленно твердил: «Конец... конец...»

Раздался выстрел...

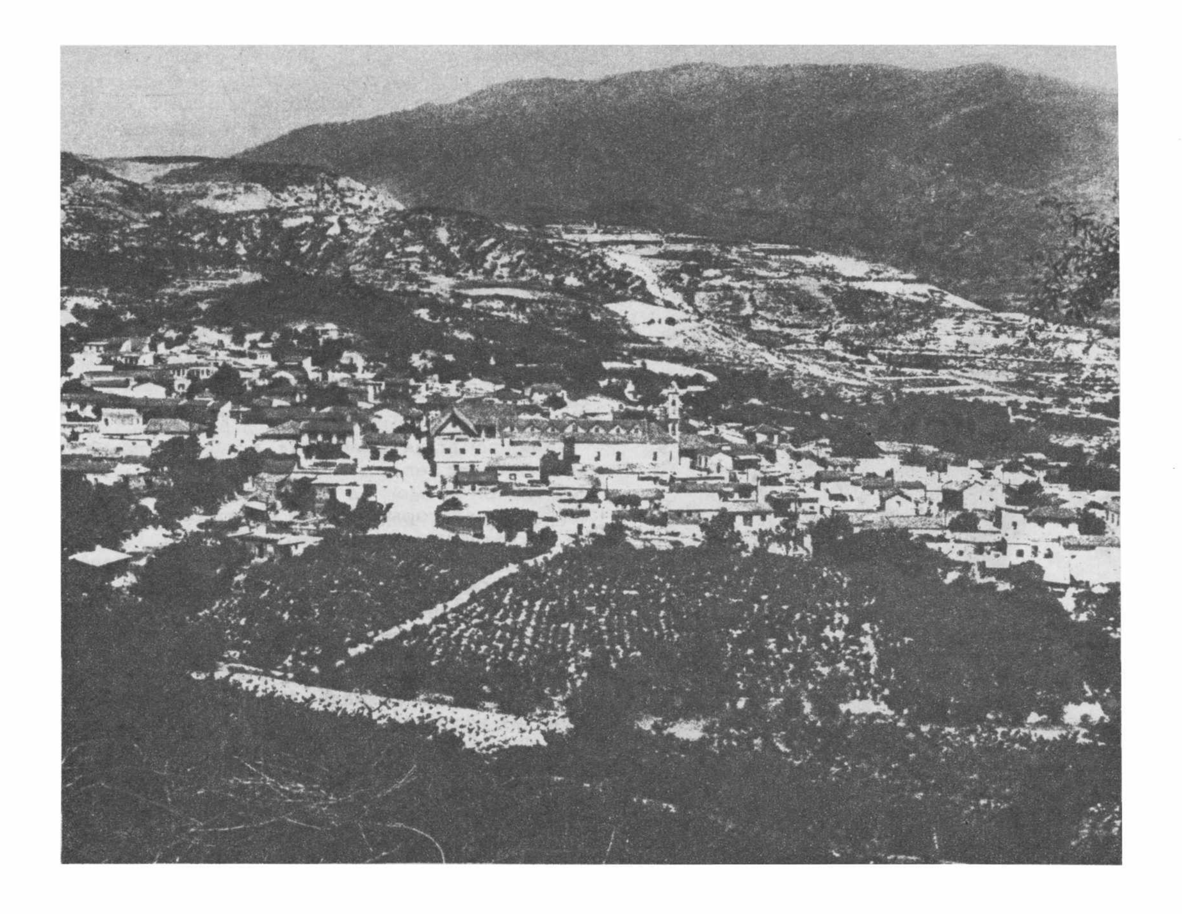
Подписывая акт об исполнении приговора, врач сказал:

— Здоровый парень, мог бы еще жить да жить.

— Мог бы, — сухо заметил прокурор и, подписав акт, вышел на улицу.

Город просыпался. Прохожих было мало. Отказавшись от машины, прокурор пошел домой пешком. Было раннее утро нового дня.

По улице, обгоняя прокурора, прошла большая автомашина, обильно поливая улицу. Лужи грязной воды, увлекая за собой мусор, стекали по обочинам дороги в канализационные колодцы, закрытые железными решетками.

ЖЕМЧУЖИНА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Г. ДЕЙНИЧЕНКО

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Для жителя северных широт самое непривычное на Кипре — это то, что у нас в общем-то нет весны. Несколько дней бурного цветения — и сразу наступает зной, говорил мне Паникос.

Жара и в самом деле наступила, хотя по календарю стояла еще весна. Но, сидя на увитой плющом террасе небольшого дома Паникоса, мы не чувствовали ее и, глядя на пустынную и залитую безжалостным солнцем окраинную улочку Никозии, лишь догадывались о знойных послеполуденных часах. Дом Паникоса с холлом, с узкой, крутой лестницей, ведущей к спальням на втором этаже, с крохотным палисадником перед крыльцом был типично английской постройкой, и я сказал об этом Паникосу.

— Верно,— отвечал он. — Его строил для себя какой-то чиновник из британской колониальной администрации. Прочно строил, с расчетом не на одно десятилетие. Да вот история распорядилась иначе.

История действительно распорядилась иначе. В августе 1960 года после восьмидесяти с лишним лет британского колониального господства Кипр обрел независимость и был провозглашен республикой. Этому акту предшествовали годы активной освободительной борьбы, стоившей киприотам многих жертв. О них напоминают скромные обелиски в кипрских селениях и гордый монумент, воздвигнутый на одной из площадей Никозии.

Английские колонизаторы были не первыми и отнюдь не единственными претендентами на вечное владение островом. «Жемчужина Восточного Средиземноморья», как называли Кипр в старину, издавна притягивала алчные взоры завоевателей. Медь кипрских рудников, древесина из богатейших кипрских лесов были той данью, которую они взимали с островитян. На протяжении веков волны захватчиков то и дело обрушивались на Кипр. Ассирийцев сменяли персы, наследников Александра Великого — римские легионеры, воинов-крестоносцев короля Ричарда Львиное сердце — монахи-тамплиеры, венецианских патрициев — отряды Оттоманской Порты. Кипр терял свои природные богатства, беднели его рудники, редели его леса, зато «подымалось в цене» стратегическое значение острова как важного пункта на перекрестке морских дорог и как опорной базы, которой с конца XIX века британский империализм пользовался для борьбы против нарастающего национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. И, видимо, не случайно до сих пор идет острая борьба за судьбы острова, за его будущее. Она то затихает, то обостряется, то принимает формы открытого давления извне на правительство президента Макариоса, то облекается в тайные заговоры.

В феврале — марте этого года Кипр пережил острый кризис, вызванный попытками определенных кругов навязать республике свой план «решения» кипрского вопроса. Когда я недавно посетил Кипр, обстановка здесь уже несколько разрядилась. Конечно, тревогу за судьбы острова испытывает каждый кипрский патриот и сегодня. Ведь кризис еще не преодолен полностью, и ситуация требует предельной бдительности и сплоченности всех патриотических сил страны.

Но ритм жизни кипрской столицы быстро входит в прежнюю колею. В конце дня, когда спадает послеполуденная жара, узкие улочки старой части Никозии заполняют толпы людей. Беспечно и лениво перебрасываются словами хозяева бесчисленных лавчонок, подпирающие в ожидании клиентов косяки дверей своих «торговых точек». У витрин, заполненных иконками вперемежку с сувенирной мелочью, то и дело останавливаются туристы, и тогда лавочники прекращают свою нескончаемую беседу и завязывают вежливый разговор с потенциальным покупателем.

Бродить по улочкам старой Никозии можно часами. Она сохранила средневековое деление по цехам. Одни ее кварталы почти целиком занимают башмачники и торговцы обувью. Вот улица портных. Скрестив ноги, они сидят на широких столах, сметывая пиджак из дешевой ткани или пестрое дамское одеяние. А за углом склоняются над тонкой своей работой золотых дел мастера, известные на всем Средиземноморье кипрские ювелиры. И вдруг совершенно неожиданно для себя натыкаешься на узкую островерхую сторожку белого цвета, у которой несут вахту солдаты. Значит, где-то рядом проходит ооновская «зеленая линия», рассекшая Никозию, весь остров, после того как искусственно вызванная рознь между киприотами-греками и киприотами-турками привела к внутреннему разладу.

У одной из таких сторожек я задержался, налаживая фотоаппарат.

— Эй-эй! Не снимать! — крикнул на ломаном английском языке рослый солдат. Его товарищ, помоложе и помельче, угрожающе повел стволом автомата.

Движение по улочке замедлилось, вокруг меня образовалась неприятная пустота.

— Здесь не разрешается фотографировать, мистер,— сказал пожилой взъерошенный господин, стоявший на противоположном углу, у стены, на которой виднелась облупившаяся надпись «Фармаколог».

Закрыв футляр фотокамеры, я подошел к нему.

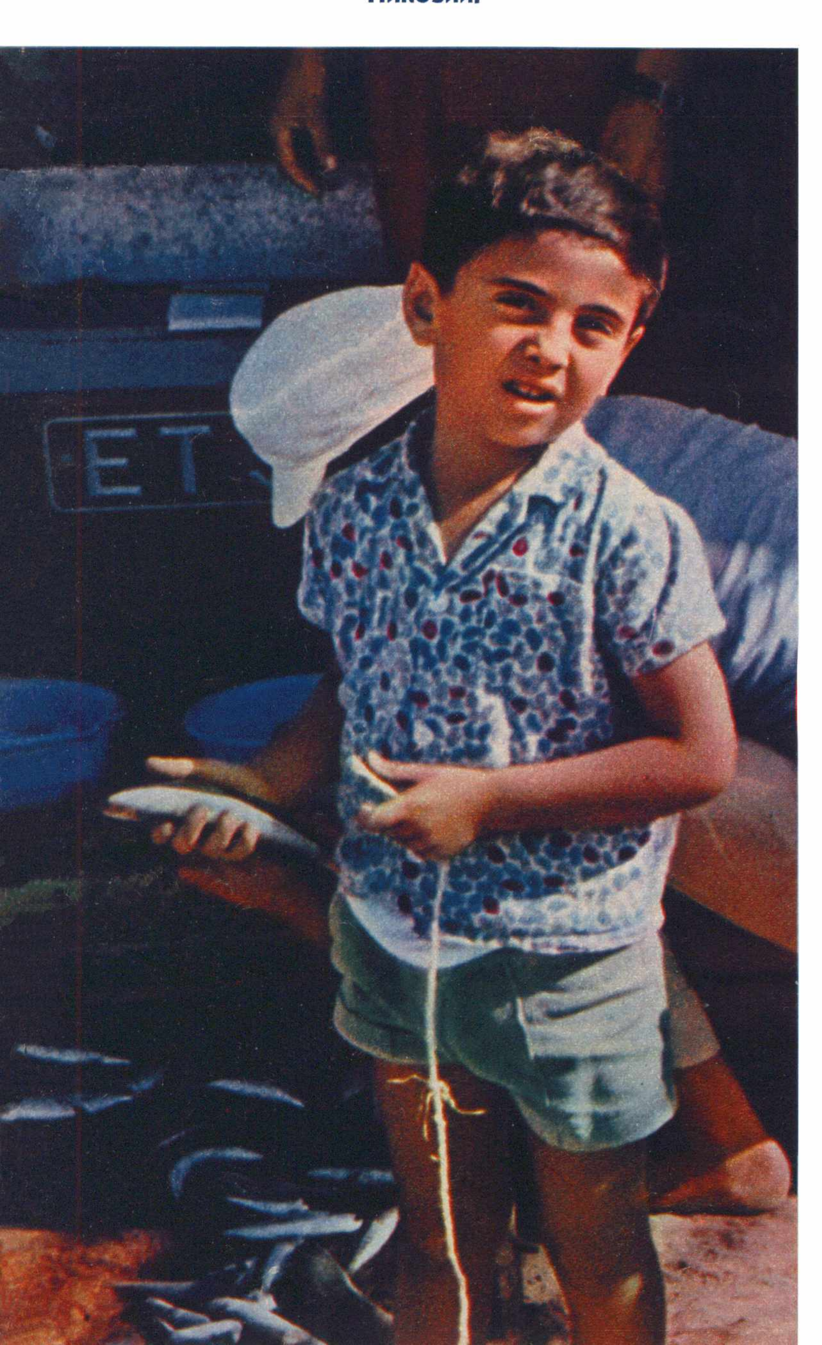
— Вы, видно, приезжий,— оглядев меня, констатировал взъерошенный старик.— Откуда? Из Москвы?— Тон его переменился, и он гостеприимным жестом распахнул передо мною дверь.

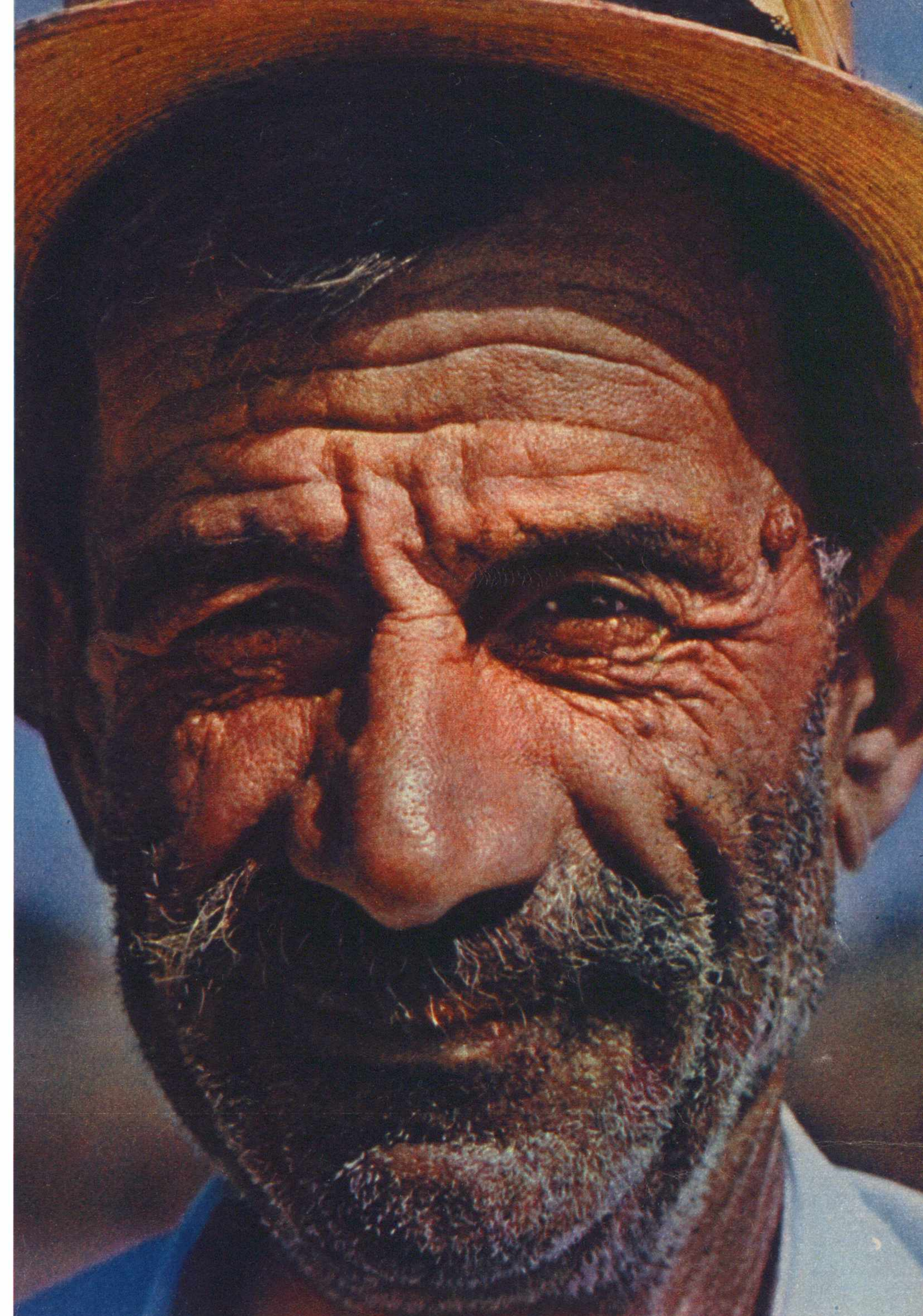

Порт на Кипре — Фамагуста. У причала советский корабль «Латвия», доставивший на остров туристов из СССР.

Вход в советский павильон на международной выставке в Никозии.

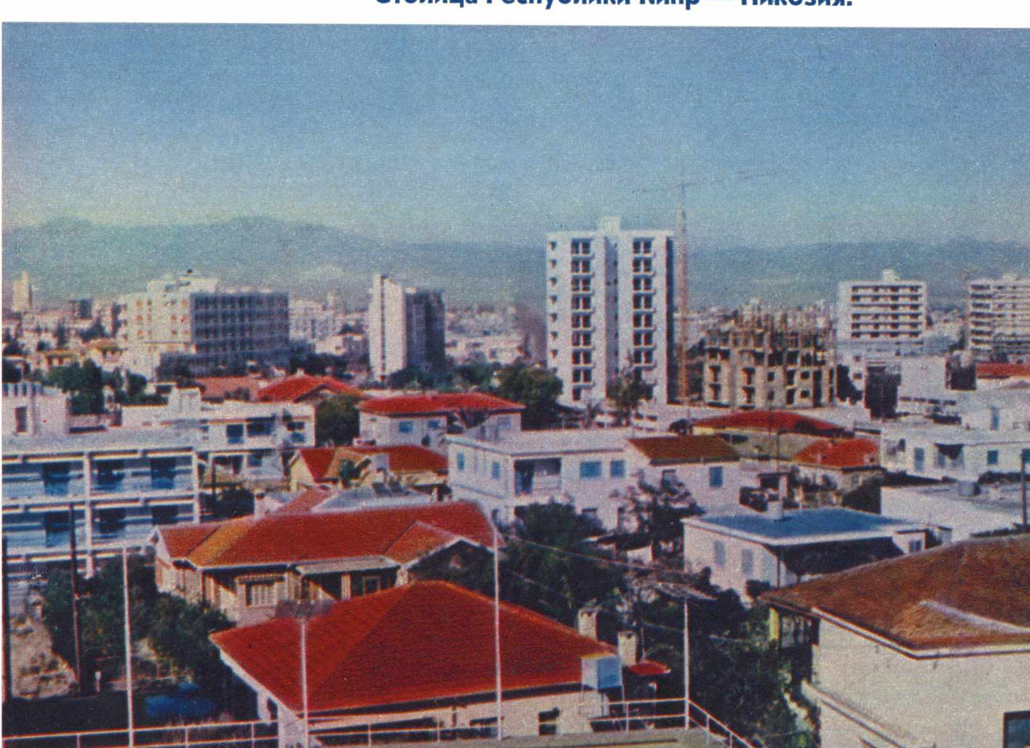

Рыбак из Лимасола.

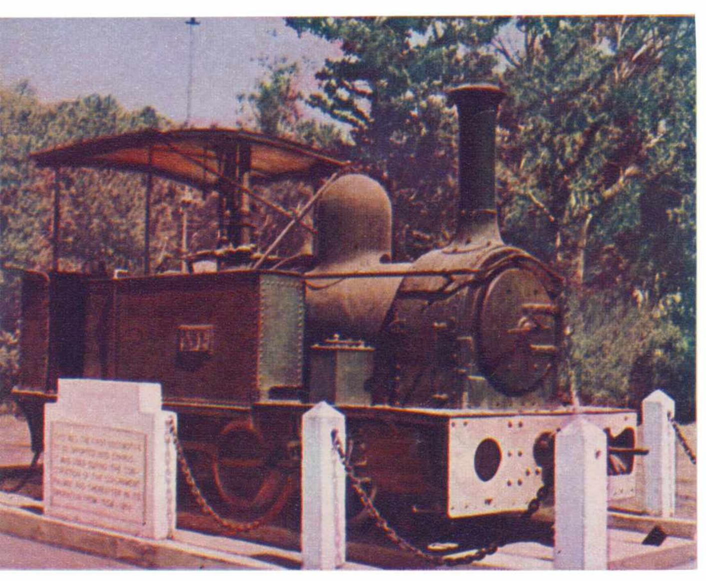
◂ Сын рыбака.

Столица Республики Кипр — Никозия.

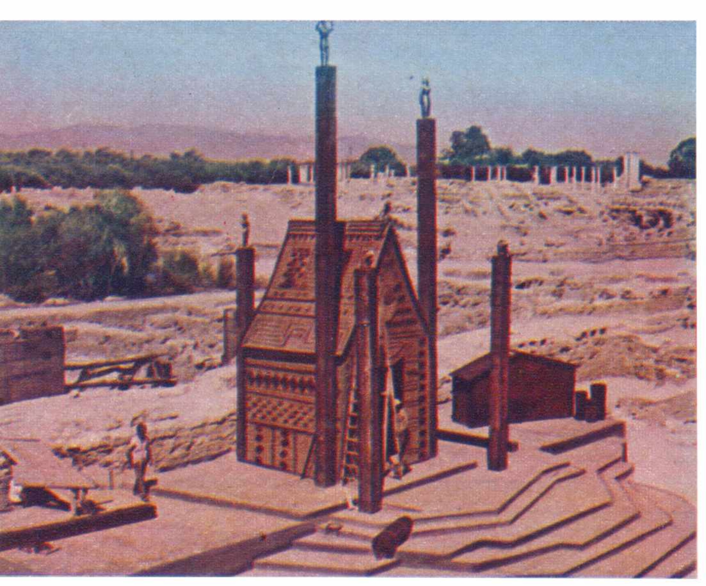

Пляж в Фамагусте.

Первый паровоз узкоколейной железной дороги, которая была построена на острове.

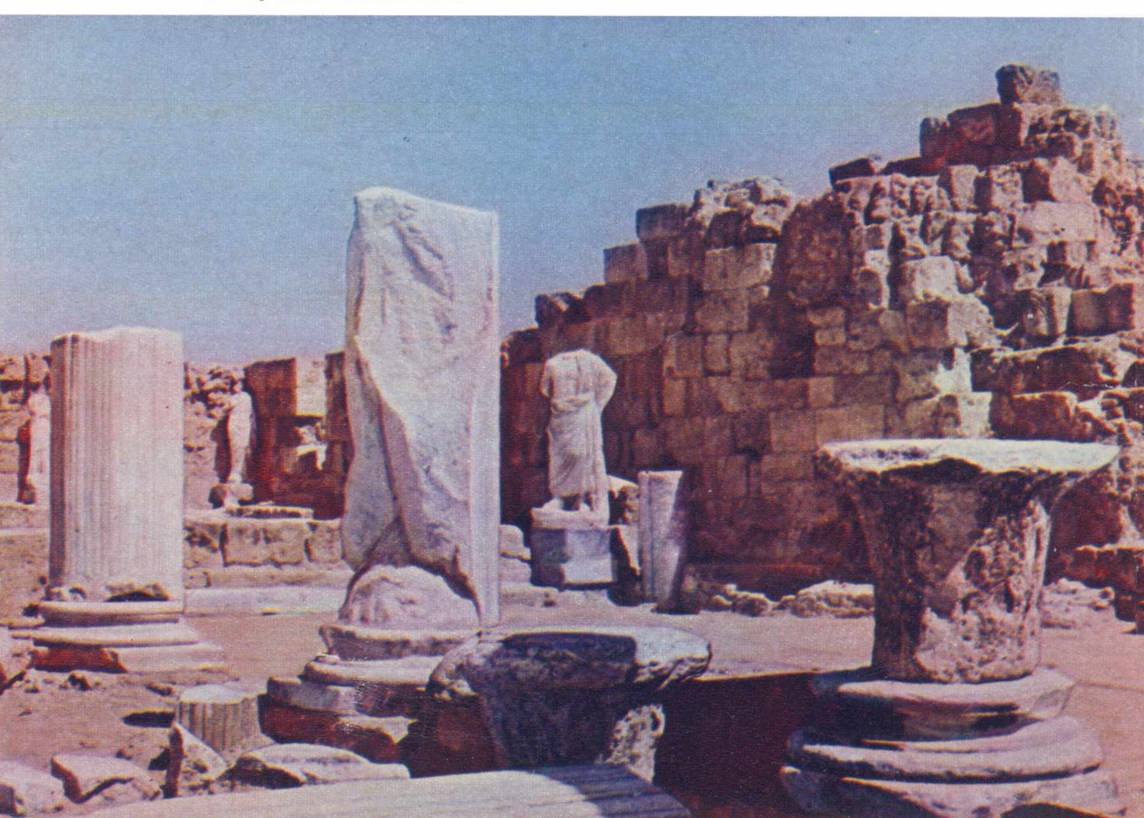
Устанавливаются декорации для постановки пьесы из античной жизни. Зрители займут места в восстановленном древнем амфитеатре.

Виноделы.

Никос Антиас — строитель.

Руины античного города Саламиса.

Аптека была, наверное, вдвое старше хозяина. Высоко над головой смыкались потемневшие своды потолка. Вдоль стен стояли громоздкие шкафы, набитые склянками и пучками лекарственных трав. Было прохладно и сыро.

— Как в церкви,— сказал я.

— Что ж удивительного,— откликнулся старый аптекарь.— Все лавки на этой улице принадлежат монастырю. Но скажите, вы на самом деле из Москвы? Я знал многих русских, когда учился в Цюрихе. Какая огромная страна Россия! — Ловким движением старик вытащил откуда-то из глубин своего необъятного пиджака потертый карманный атлас бог весть какого года издания и развернул на страничке, где простиралась карта нашей страны.— Я хоть и старый, но все еще льщу себя надеждой когда-нибудь совершить поездку в ваши края. Не из пустого любопытства. Мы, киприоты, благодарны России. Она всегда оказывает поддержку нашей родине. Кстати, а вы сами побывали где-нибудь, кроме Никозии?— спросил аптекарь.— Непременно поезжайте в Фамагусту. Я там родился...

В Фамагусту я все-таки сумел выбраться. От Никозии в этот приморский городок на восточном побережье Кипра ведет прямое, как стрела, шоссе. Его проложили на месте железной дороги, соединявшей когда-то оба города. В напоминание об этом у въезда в Фамагусту стоит крохотный, почти игрушечный локомотив, который первым прошел по рельсам, проложенным от Никозии на восток. На побережье было прохладнее, чем в столице, этом кипрском городе, который построен не у моря, а в глубине острова.

Знаменитый песчаный пляж Фамагусты тянется на много километров. Не только солнце и море влекут на остров путешественников. Кипр — открытая книга истории. Остатки поселений каменного века, римские театры, мозаика первых лет христианства, венецианские форты, а в Фамагусте — развалины замка, в котором, по преданию, развертывались события, описанные Шекспиром в «Отелло».

К «замку Отелло» в Фамагусте с утра съезжаются переполненные автобусы. С башни замка, как на ладони, виден порт Фамагусты— рыбацкие баркасы, две-три яхты, большие торговые суда. На мачте одного из них свежий ветер трепал красное полотнище. Это был сухогруз «Массандра», пришедший в Фамагусту с очередным рейсом. Сто двадцать заходов в год совершают советские суда в кипрские порты. Существует регулярное пассажирское сообщение. Это один из показателей прочности советско-кипрских отношений, которые год от года становятся все шире и разнообразнее. Растет торговля, развивается культурный обмен, Кипр посылает в Москву молодых людей на учебу. Ведь на острове нет своих университетов. Крепнут и политические контакты между нашими странами.

Будучи в столице и встречаясь с кипрскими политическими деятелями, я неизменно спрашивал, что они думают о состоянии и перспективах советско-кипрских отношений. Одни отвечали кратко, другие пространно. Но все в одинаковой степени подчеркивали дружественный характер связей между нашими странами и выражали твердую надежду на дальнейшее развитие делового взаимовыгодного сотрудничества наших стран.

— У нас хорошие отношения,— лаконично сказал мне крупный кипрский издатель, человек, близкий к президенту Макариосу.— Убежден, что они будут крепнуть и развиваться в будущем.

— Киприоты испытывают чувство глубокой благодарности советским людям за ту поддержку, которую они оказывали освободительной борьбе кипрского народа,— заявил генеральный секретарь Союза кипрских крестьян X. Михайлидис.— Мы уверены в том, что узы дружбы, связывающие наши народы, будут еще крепче.

Эти беседы вспомнились мне, когда с высоты «замка Отелло» я увидел в порту Фамагусты советский флаг.

Никозия — Москва.

ЗАМЕТКИ ПСИХИАТРА

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Лидия БОГДАНОВИЧ,
доктор медицинских наук

Сердце каждого человека раскрывается навстречу любви. Прочитав однажды, я на всю жизнь запомнила слова А. И. Куприна: богат тот, на чью долю «выпало редкое счастие испытать хоть на мгновение ту истинную любовь, в которой заключено все: целомудрие, поэзия, красота и молодость»...

Любовь — чувство глубоко интимное. Так можно ли и нужно ли говорить об этом вслух, касаться тайны двоих? Иногда нужно! Ибо это чувство, которое должно приносить счастье, порой приносит лишь страдания.

Почему-то принято считать, что чувства человека запрограммированы в нем от рождения, подарены ему природой. Так-то оно так, да не совсем. Лично я на основании своего жизненного и медицинского опыта твердо убеждена: необходимо воспитывать, культивировать, если хотите, в людях умение глубоко чувствовать, умение любить. Может быть, кого-то удивят эти мои слова. А почему? Только потому, что это сфера интимная, касающаяся взаимоотношений мужчины и женщины?

Мне кажется, в боязни говорить с юными об интимных отношениях мужчины и женщины проявляется известная доля ханжества, фарисейства, мещанской ограниченности. Воспитание чувств — дело весьма тонкое, деликатное. И неужели же лучше, если о половой любви подросток узнает, так сказать, на улице из циничных, грязных разговоров прожженных пошляков, нежели от своей матери, врача или воспитателя, которые расскажут ему об интимной стороне жизни бережно, возвышенно, чисто?

Между тем, как правило, в семьях родители уклоняются от бесед на эти деликатные темы и не готовят детей к периоду полового созревания. А ведь взаимоотношения полов — вопрос большой жизненной и общественной важности. На темы пола надо говорить серьезно и не отделываться невнятной скороговоркой, нельзя отвечать кое-как и неоткровенно.

Не так давно начала работу Лаборатория проблем полового воспитания научно-исследовательского института общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР. Это весьма серьезное, жизненно необходимое начинание, к сожалению, понятно даже не всем педагогам. Чем будет заниматься лаборатория? — спрашивают многие. Для чего она нужна? Попробую ответить на эти вопросы.

Не будем пока говорить о юношах и девушках, которые получили в семьях правильное воспитание, которых научили правильно подходить к самым разным и сложным сторонам жизни. Поговорим сначала лишь о той части нашей молодежи, которой не внушили нравственного отношения к интимной сфере бытия. Не стоит закрывать глаза на то обстоятельство, что некоторая часть нашего юношества не избежала тлетворного влияния модной ныне на Западе теории «свободной любви». При отсутствии твердого нравственного воспитания и вообще родительского надзора юноши и девушки иногда начинают исповедовать циничное кредо: «Мы-де живем в скоростной, атомный век, а потому в «темпе», на «полную катушку» будем брать от жизни все!» И так не только за рубежом, но и у нас. Даже не в период возмужания, не в предназначенный природой срок для брака — от 20—25 лет, но и в пубертатный (подростковый, слово это означает в переводе «обрастание пухом») период, когда еще так быстротечны, мимолетны чувства и некритичен созревающий ум.

За рубежом теория «свободной любви» принесла большие бедствия обществу. Сама чопорная Англия вынуждена была создать парадоксальное учреждение — школу для беременных девочек...

Не только ученые, но и все родители знают, сколько трудностей несет с собой изменение физиологических и психологических основ в пубертатный период. Бурно развивающаяся эндокринная система и особенно половые железы создают эмоциональное волнение у подростков, и они невольно фиксируют свое внимание на всем, что так или иначе касается взаимоотношений мужчины и женщины. Отсюда повышенное внимание к своей внешности, стремление к самоутверждению, гипертрофированной самостоятельности, взрослости и в то же время к подражанию не лучшим образцам, предлагаемым внешней средой.

Человек в этом возрасте еще не задумывается над тем, что будет завтра, каковы последствия рискованного шага. У него почти полностью отсутствуют критические функции мозга, нет у него жизненного опыта, и он хочет делать то, что ему нравится сегодня. Весьма совпадает с этими биологически уготованными стремлениями теория «свободной любви».

И что за словообразование — «свободная любовь»! Вроде бы и красиво, но совершенно бессмысленно. От чего свободная? От ответственности перед близким человеком? Но такая любовь, по сути, свободна от самой любви, ибо чувство это по своей природе всегда и в первую очередь означает ответственность и перед собой и перед любимым!

За рубежом эта теория вызывает рост абортов, ранние, неполноценные беременности и роды, вздыбленную статистику венерических заболеваний, а также рост алкоголизма, наркомании, преступности.

У нас в социалистическом государстве, естественно, нет и не может быть безудержного разгула оной теории, но отдельные ее последователи, к сожалению, встречаются. Кроме того, следы бунтарского духа, проистекающего

из напора полового инстинкта, можно ныне видеть повсюду. Это сквернословящие на улицах подростки, это выбитые стекла школ и жилых домов, сокрушенные телефонные будки, нецензурные надписи на стенах...

Вот в этот период, когда послушный еще вчера ребенок становится вдруг бунтарем пубертатного периода, родителям очень и очень понадобятся советы педагога и медика-специалиста, понадобится деятельность нашей лаборатории.

Множество проблем выдвигает половое воспитание. И едва ли не главная из них — воспитание у подростка умения обуздывать эмоции, воспитание чувства стыдливости.

Стыдливость — слово немодное у той части нынешней молодежи, что отравлена теорией «свободной любви». Потому-то и приходится вновь поднимать на щит это «устаревшее» понятие.

Вот всего одна картинка с натуры. Как-то в воскресный день я шла по Москве, по улице Горького. Люди прогуливались не торопясь. В людском потоке мое внимание привлекли несколько молодых людей с длинными, нечесаными волосами. Обхватив своих девушек за плечи, за талии, они горделиво поглядывали на прохожих. А те провожали их недоуменными взглядами.

Чем-то очень нехорошим, недостойным веет от такой вот развязности, от выставления молодыми своей близости напоказ. Мы издавна привыкли считать: чем сильнее любит мужчина, тем сдержаннее, уважительнее он в проявлении чувств к своей избраннице. Вольность же в выражении чувств всегда считалась просто нескромностью, не имеющей ничего общего с истинной любовью. Недаром же говорится: прелесть любви — в тайне двух... Я понимаю, что нельзя издать закон, запрещающий обниматься и целоваться на улице. Да и не нужно! Достаточно, если все девушки научатся уважать себя.

Но тут мне могут возразить: а вот, дескать, во многих хороших итальянских или французских фильмах парень идет в обнимку с девушкой, и никого это не волнует. Правильно. Однако дело тут вот в чем: у каждого народа свой национальный характер, свои обычаи, привычки. Нельзя их механически переносить на иную почву. То, что у темпераментного, горячего, пылкого южанина, француза или итальянца, выглядит обычным и привычным проявлением чувств, то у сдержанного по природе северянина означает просто нескромность, развязность.

Само понятие стыдливости вообще в какой-то мере условно. Для каждого времени, для каждой среды, социальной группировки оно свое. Например, в Спарте юноши могли соревноваться обнаженными, а девушки танцевали нагими на народных праздниках. И зрелище прекрасного, юного тела ни у кого не вызывало смущения, ибо никто не сомневался в нравственной чистоте молодежи.

В нашей стране все, что так или иначе оскорбляет нравственное чувство граждан, подлежит ответственности. Но дело даже не в этом, главное то, что стыд заложен в самой природе человека, механизм его чисто физиологичен. И именно любовь — одна из тех сил, которые будят защитные механизмы стыда. Он взращивается в определенных условиях воспитания и в момент внешнего раздражения выявляется рефлекторно. Стыд, как своеобразная психическая оборонная реакция, укрепляет самообладание и регулирует один из всесильных инстинктов — половой. И вот что интересно: сексологи старого и нового времени утверждают, что стыдливость женщины при любовном натиске мужчины, оказывается, не понижает, а повышает его половую силу, энергию. Напротив, развращенность, разнузданность, полное отсутствие стыдливости отталкивает мужчин, приводит к полному фиаско в интимных отношениях. Иначе говоря, стыд, являясь тормозом в интимной сфере, по закону индукции усиливает любовь. Недаром великий Стендаль назвал стыд матерью любви.

С понятием стыда тесно связана другая нравственная категория, которую определенная часть молодежи тоже считает несовременной, отжившей. Это — целомудрие. Венский психиатр, исследователь вопросов пола, завоевавший мировую известность, Август Форель считает целомудрие фундаментом истинной любви, ее долговечности и счастливой супружеской жизни. Ничем не омраченная первая любовь закаляет сердца, воспитывает преданность близкому человеку. Крупнейший русский ученый В. М. Бехтерев, создавший первый в России психоневрологический институт, считал вопросом большой важности половое воспитание и ратовал за целомудрие юности, которое способствует сохранению здоровья — и нравственного и физического.

До наших дней дошли «Золотые стихи» Диогена. Там есть такие строки:

«Приучайся владеть собою
И ранее всего своим чревом, и сном,
и сладострастием...»

Древним авторам вторят и великие русские писатели. Помните ли вы, что Лев Толстой категорически настаивал на сохранении целомудрия до брака и выдвинул принцип абсолютного подчинения целомудрию? И. С. Тургенев удивительно достоверно, словно ученый — исследователь человеческой души, представил картину необычайно сильного нравственного влияния нетронутости юности на все последующее нравственное развитие человека...

Но попробуем взглянуть на эту проблему с другой стороны: может быть, воздержание вредно для организма?

Жизненным вопросом нервной гигиены назвал целомудрие А. И. Сикорский. Он считал, что раннее начало половой жизни непоправимо вредно. Ученый убедился на основе своей многолетней работы психиатра, что «...практика чувственности в раннем возрасте является почти роковой по своим физическим и нравственным последствиям, то есть роковой для физического здоровья и для склада характера». Целомудрие, воздержание в юности не только не вредит здоровью, но и приносит значительные преимущества. Оно сохраняет мужчине возможность интимной жизни до позднего возраста. Между тем многие сексологи приводят данные об ослаблении половой потенции у некоторой части современной молодежи. Жизнь часто являет нам, врачам, случаи пресыщения, вызывающего ослабление потенции, а то и полную неспособность к интимной жизни у людей, прожигающих молодость, растрачивающих силы на случайные связи.

Есть у меня давняя знакомая. Теперь ей уже за шестьдесят. Когда-то она была очень хороша собой. Моей знакомой повезло в семейной жизни. Замуж она вышла по первой любви, чувство было взаимным, глубоким. Как-то недавно встретила та женщина в троллейбусе человека, который в дни юности ухаживал за нею. Старый поклонник восхищенно всматривался в удивительно свежее, моложавое лицо и сказал: «А вы все такая же красивая! Как вы овладели секретом вечной молодости? Впрочем, чему ж я удивляюсь: вы ведь прожили такую чистую жизнь, не замутненную дурными страстями».

Да простится мне банальная истина, но, помоему, целомудрие, нравственная чистота — действительно секрет вечной молодости...

Проблем полового воспитания неисчерпаемое множество. В одной статье их и не перечислишь. И все же хотелось бы упомянуть еще два вопроса.

Первый. Я уже говорила, что готовить юношу или девушку к любви, к браку нужно буквально с детского возраста. Да, но как? Не станешь же ребенка посвящать в интимную сторону жизни! Конечно, нет! Но уже с самых ранних лет надо воспитывать в мальчике уважение к девочке — будущей жене, любимой, матери; а в девочке — целомудрие, скромность, чистоту помыслов. И в обоих — умение владеть собой, своими эмоциями, отвечать за свои поступки, решительно пресекать в детях малейшие, невинные на первый взгляд ростки эгоизма.

Для полного благополучия любви, венцом которой является брак, для счастья будущих поколений необходимо направленное воспитание, просвещение, которое бы помогало сознанию и регулировало половой инстинкт. Надо развивать у подростков, у молодежи интерес к вечным духовным ценностям — дружбе, доброте, чувству ответственности перед другими людьми, надо закалять волю молодых, готовить их к подвигу — каждодневному, невидному — во имя любви. Мы должны научить молодежь уважать и почитать женщину — супругу, мать, ценить благородство, мужество, высокие гражданские качества мужчин — отцов, мужей. Без такого воспитания мы не сможем вырастить счастливых людей.

И последний вопрос, которого я не могу не коснуться,— проблема ранних и скороспелых браков.

Не так давно я получила письмо от работницы-текстильщицы. Она пишет: «С моим мужем, Владимиром, я познакомилась на Новый год в клубе. Он токарь, передовик производства. Говорят, что любовь с первого взгляда бывает редко, а у нас получилось именно так. В эту ночь он немного выпил и заверил меня, что будет любить всегда. Через две недели мы поженились, и я скоро поняла, что «нашла коса на камень». Мы хорошо устроились с жильем. Владимир и я зарабатываем много. Все есть, а любви и мира как не бывало. Бранимся. Он оказался эгоистом, а с какой стати я ему буду уступать? Вот и выходит, что любовь наша не стоит выеденного яйца. Не верю я больше сказкам о любви».

Я познакомилась с автором письма. Вроде бы все у юных супругов есть для счастья, а самого счастья-то и нет. Вступая в брак, молодые люди были внутренне не готовы к этому важнейшему жизненному шагу. Не готовы потому, что ни в семьях, ни в школе — нигде не научили их любить, не привили чувства ответственности перед будущим спутником жизни, не внушили готовности уважать друг друга, идти на взаимные уступки. Вот и получилось, что первое чувственное влечение было принято за любовь.

Но для счастливой семейной жизни мало чувственного влечения, мало и чисто внешней привлекательности. Гораздо сильнее привязывает людей обаяние внутреннее, богатство личности, нравственное совершенство, сила и гибкость ума, сходство взглядов, воззрений, вкусов, способность уважать мнение близкого человека, считаться с ним, идти на уступки.

А письмо моей корреспондентки — наглядный пример того, что молодые люди, заключая скороспелые браки, не успевают как следует узнать не только своего избранника, но и самих себя.

Притом же этот брак и слишком ранний. Брачный возраст, как известно, ограничен и законом и самой природой. И прежде всего потому, что ранние браки дают слабое во всех отношениях потомство. А кроме того, вы только представьте себе брачный союз слишком юной пары. Оба еще полны иллюзий, живут сегодняшним днем, не имеют созревших нравственных устоев, а ведь без этого невозможно воспитывать детей. Юные супруги не способны к самостоятельности, к соблюдению порядка в доме, экономии — все это вызывает бытовые неудобства. И потому малейшие недоразумения, шероховатость, неблагополучие могут вызвать ссору, даже привести к разводу.

Я говорю так подробно о браке потому, что в сущности своей это идеальная, высшая форма взаимоотношений мужчины и женщины. Но ни для кого, к сожалению, не секрет, что брак в наши дни не является прочным. А углубленного исследования этого явления пока что не ведется. Ныне преимущественно социологи и журналисты вместо того, чтоб проводить такие исследования, снимают пугающие срезы неблагополучия среди отдельных групп молодежи. Причем цифры подбираются не всегда достоверные. Конечно, вести социологические изыскания необходимо. Но я убеждена, что проблему укрепления семьи невозможно решить даже самыми дотошными изысканиями социологов. Мое твердое убеждение: начинать здесь надо с самого человека в процессе всех периодов его воспитания, становления личности.

Сама жизнь дает нам немало примеров супружеских союзов, идеальных во всех отношениях. В наш атомный век любовь так же необходима человеку, как в ту далекую эпоху, когда Данте самозабвенно любил Беатриче. И поэтому все мы — родители, врачи, педагоги — должны, обязаны заботиться о воспитании чувств, помочь юному поколению быть счастливым.

К ДУШЕ УСТРЕМЛЯЕТСЯ ДУША...

ЖАЛЕ

Читателям «Огонька» знакомо имя Жале — иранской поэтессы, живущей в Советском Союзе. В 1969 году в нашем журнале был опубликован цикл ее стихов «Любви золотой соловей». В новую подборку входят произведения, написанные в последнее время, которые поэтесса посвящает Институту мировой литературы имени М. Горького.

●

Его крик

О покупатели живых машин!
Я продаю свои стальные мышцы.
Все тело целиком, но без души —
пустую клетку без поющей птицы.
Я раб восставший,
ставший саблей плуг.
Недаром я старался бесконечно
разгрызть в цепях, сковавших силу рук,
хоть малое проклятое колечко.
В моей груди кровавый молот бьет
по наковальне вызревшего гнева.
Цепей упавших звон — одна из нот
предутреннего нового напева.
О покупатели живых машин!
Свободный раб, покорный господину,
хоть без цепей — себе не господин...
Купите же дешевую машину!
Всю силу я за пулю отдаю,
которую в того раба вобью,
что перед вами гнет смиренно спину!

Светлая связь

Я тысяча первая в тысячной тысяче тысяч.
Я искорка жизни... Меня бы могли и не высечь.
Но как Шахразада к тысяче ночь прибавляла одну,
так маленькой искры — меня — не хватало большому огню.
Я верила в сказки, мечтала... И, может быть,
я лишь светлые краски предпочитала для бытия?
Но мир благородства, мир добрых и честных людей
вмещал и уродства и скотство...
Делили его Человек и злодей.
Но было в них общее, в этих святых и дурных:
не могут без помощи и без поддержки других.
Я долго пыталась вечного счастья почувствовать суть.
Я много скиталась и в ней разобралась чуть-чуть.
В космической мгле — великанские наши пути.
Но вот на земле мы друг друга порой не умеем найти...
Когда люди вместе: беда ли, нужда ли, страда,—
они неразрывны, как в песне мотив и слова.

И пусть непохожи цвет кожи,
язык,
материк,
есть общее все же в стремленьях чужих и моих.
За тысячу тысяч дорог я до истины верной дошла:
и нашего счастья залог,
чтоб к душе устремлялась душа.

* * *

Лес молчит, как шумит... Оттого ли,
с жаждой песен в рассветы спеша,
молода от любви и от боли,
откликается лесу душа?

Но не надо гадать и не надо
сочинять за того мотылька,
что летит на огонь листопада,
как душа — на огонь маяка.

Столько листьев, как будто на свете
никого, ничего уже нет,
кроме пущенных лесом на ветер
золотых невесомых монет!

И дерев обнаженную правду
вдохновенная птица поет,
отдавая себя листопаду,
словно лист, замедляя полет.

Я люблю бесконечное это
царство тайн, откровений, чудес.
Как душа, полон тени и света
мой собрат, мой товарищ, мой лес.

Так живет он, как я бы желала,
и готов к приговору костра,
потому что умрет, чтобы стало
в мире больше тепла и добра.

Морской закат

Леса, отражаясь, пылают
в огне предзакатных костров,
иголками сосен сшивают
разорванный шелк облаков.
Но недолговечна заплата,
и в том виновата волна,—
лучом озорного заката
опять в миг один прожжена.
О, как эта штопка нелепа!
Не выйдет из этого толк:
сливаются море и небо,
и вновь разрывается шелк.
Где бездна, где высь — неизвестно,
ушла глубина в высоту...
И чайка, морская невеста,
встречая закат, на лету
свою примеряет фату.
Тяжелая синь небосвода,
воды невесомой шитье...
Парит надо мною свобода
на пламенных крыльях ее.
Ни бури она не боится,
ни жгущего море огня...
О, белая чайка — страница
для повести нового дня!
Листая простор этот звонко,
влетая в любые ветра,
похожа она на ребенка,
бегущего к морю с утра.

Соловей

Почему-то веками считает народ,
что в саду соловей лишь для розы поет.
Знаю я эту сказку наивную.
А поет соловей
для подруги своей,
он влюблен в свою трель соловьиную.

Соловей прилетает в полуночный сад,
чтоб для песен своих собирать аромат,
роз цветущих дыханье весеннее.
Ему пышная роза нужна для того,
чтобы слышала в полночь подруга его
благоуханное пение.

Вьют всегда соловьи
в розах гнезда свои,
лепестки их — любви оперение.
Если розу сорвешь,
ты струну оборвешь
самозабвенного пения.

А легенда в народе веками живет,
что в саду соловей лишь для розы поет...
Но поет соловей
для подруги своей!

Подарок

Сказали мне, что девушка одна
тому, в кого впервые влюблена,
в подарок принесла мои стихи...
О, сила и бессилие строки!
И в час, когда бутоны неспроста
вдруг разомкнули алые уста;
и в час, когда, глаза от сна открыв,
позеленело озеро от ив;
и в час, когда тюльпан, дитя полей,
следил с земли за танцем журавлей,
они мои стихи читали вслух,
покуда день весенний не потух.
Что может быть дороже и милей
курлыканья влюбленных журавлей
и тех двоих, чей мир так чист и строг,
приникших, как друг к другу, к тайне строк!

**Перевела с персидского
Инна КАШЕЖЕВА.**

ПОДВИГ ВСЕЙ ЖИЗНИ

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Вздымается Петрополь из тумана,
Весь мрачен,— только вот бойницы острие
Горит средь темноты, похоже на копье
Чудовищного великана.

Так и кажется, что строки эти вышли из-под пера самого Пушкина,— настолько ощутима в них точность и изобразительная сила каждого слова, близость их к известному описанию Петербурга в «Медном всаднике». Принадлежат же они лицейскому товарищу и «брату» великого поэта «по музе, по судьбам» — Вильгельму Кюхельбекеру.

В истории литературы есть множество примеров того, как сама эпоха врывается в судьбу художника и резко меняет ее. И, быть может, наиболее яркий и заметный из них — жизнь В. Кюхельбекера, рожденного для литературной деятельности и почти непризнанного, говорившего в юности много о свободе и лишенного ее в старости, мечтавшего в конце 1825 года о преподавании русского языка и оказавшегося 14 декабря на Сенатской площади... Это не могло быть случайностью, потому что в жизнь поэта вмешалась история, она призвала его на свой суд и самим этим фактом уже решила его судьбу.

До нас дошли, кроме значительной части художественных произведений, материалы следственной комиссии по делу декабристов, а также дневник самого Кюхельбекера, писанный им то в одной, то в другой крепости и отразивший его уединенное и лишенное надежд на лучшее будущее существование на поселении в Восточной Сибири. В. Кюхельбекеру предъявлялось тягчайшее обвинение в покушении на жизнь великого князя Михаила Павловича, он входил в общество наиболее стойких и уверенных в своем деле декабристов. Родившийся 10 июня 1797 года в родовитой дворянской семье, он остаток лет своих проводит почти в нищете, окруженный малообразованными и корыстолюбивыми обывателями, и умирает 11 августа 1846 года в Тобольске, слепой, чахоточный и не способный уже ни к какому труду. Однако вся долгая страдальческая его жизнь, его бесстрашный вызов царскому деспотизму — этот подвиг всей жизни — представляют собой образец великого мужества и великой любви к свободному слову.

Поистине лишенный возможности печататься и участвовать в литературной жизни общества, поэт ни на минуту не выпускает из рук пера. За год до смерти Вильгельм Кюхельбекер отправляет В. А. Жуковскому список произведений, предназначенных для собрания его сочинений. Если взглянуть на перечень только одних названий, на то, сколько задумано и написано одним человеком в столь невыносимых жизненных условиях, то уже тогда понимаешь, какой подвиг совершила душа-труженица, воля поэта. Театральные пьесы, рассказы в стихах и прозе, лирические стихотворения, критика и эстетика, филология, нравоучительные сочинения — вот только названия разделов собрания сочинений, куда, по замыслу писателя, должны были войти переводы величайших произведений мировой классики, многотомные романы, оригинальные драмы и поэмы. Не все здесь в равной мере талантливо. Заслуживают внимания и признания пьесы «Иван, купецкий сын», «Прокофий Ляпунов», «Ижорский». Дневник Кюхельбекера Ю. Тынянов, сделавший огромное дело для воскрешения забытого поэта, назвал журналом, который писался и редактировался одним человеком. Почему «журнал»? Да потому, что в него входили только что написанные стихи, критические заметки и суждения о прочитанном, картины быта, окружавшего ссыльного. Конечно, был и цензор — тюремный начальник. Потому многие записи дошли в искаженном виде — с купюрами и исправлениями. Однако даже дошедшее до нас представляет собой неоспоримую ценность для сегодняшнего времени. В 1846 году, перед смертью, Кюхельбекер писал Жуковскому: «...я чувствую, знаю, я убежден совершенно, точно так же, как убежден в своем существовании, что Россия не десятками может противоставить европейцам писателей, равных мне по воображению, по творческой силе, по учености и разнообразию сочинений. Простите мне, добрейший мой наставник и первый руководитель на поприще поэзии, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что все, все, мною созданное, вместе со мною погибнет, как звук пустой, как ничтожный отголосок!» В этих трогательных исповедальных словах чувствуется одновременно горечь и надежда, голос разума и сердца человека, чьи дни сочтены, чья жизнь, несмотря ни на какие трудности, была отдана служению отечественной словесности и тем самым своему народу. Прошло более ста двадцати пяти лет со дня смерти поэта. Но свет его мыслей, строй чувств, движение души его созвучны нашему сознанию.

Борис ПРИМЕРОВ

ИТАЛЬ

Николай ПРОЖОГИН

В этом году лето пришло незаметно. Уже нещадно палит солнце, так накаляя за день городские стены, что к вечеру становится трудно дышать. Горожане все чаще говорят об отпусках, решают, куда лучше поехать — на море или в горы. Однако на какое время планировать летний отпуск? Этот, казалось бы, чисто житейский вопрос имеет для многих итальянцев, особенно жителей столицы, служащих в государственном аппарате, непосредственную связь с политикой.

Не теряющие ни при каких обстоятельствах чувства юмора, итальянцы говорят, что, наверное, жара сгущает тучи и на политическом горизонте. В этом году затянувшийся до лета кризис начался еще зимой. Перспективы его решения не прояснили даже состоявшиеся в начале мая внеочередные парламентские выборы.

Такого в Италии со времени установления республиканского строя еще ни разу не случалось. Парламент предыдущего созыва был распущен за год до истечения срока его полномочий, когда зашедшая в тупик коалиция «левого центра» не смогла сформировать очередного правительства, а «одноцветный», созданный из представителей христианско-демократической, крупнейшей буржуазной партии страны кабинет не смог получить вотума доверия в сенате.

Созданная почти за десять лет до этого коалиция «левого центра» включала в себя наряду с христианско-демократической социалистическую, социал-демократическую и республиканскую партии. Ее политика представляла не столько стратегию, сколько тактику правящих кругов. Идя на мелкие уступки трудящимся, проводя время от времени частичные реформы, они рассчитывали сдержать рост рабочего движения с его требованиями глубоких экономических, социальных и политических преобразований. Одновременно, вовлекая в правительственное большинство социалистов, буржуазия надеялась тем самым изолировать коммунистическую партию и закрепить раскол итальянского рабочего класса.

Жизнь показала иллюзорность этих расчетов. Мощный подъем рабочего движения, упорные классовые бои, развертывавшиеся в последние годы в стране, еще больше сплотили итальянских трудящихся вне зависимости от их партийной принадлежности. Идя рука об руку, рабочие — коммунисты, социалисты, католики — одерживали первые успехи, убеждаясь в преимуществах, которые давало им единство действий на классовой основе.

Под напором снизу, со стороны рядовых членов происходило известное смещение влево и в социалистической партии. Одновременно настроения трудящихся католиков настойчиво давали знать о себе в левых течениях христианско-демократической партии. Так к атакам снизу, со стороны рабочего движения, которые со все большим трудом выдерживала коалиция «левого центра», добавились раздиравшие ее внутренние противоречия. Ход событий привел к ясному выводу, что без коммунистической партии, а тем более выступая против нее, в стране невозможно положительное решение ни одной из стоящих перед ней крупных проблем.

В ответ на неуклонно развивавшийся процесс сдвига страны влево правящие круги решили изменить свою тактику и перейти в открытую контратаку. Их замысел стал очевидным еще в декабре прошлого года во время выборов президента республики, когда руководство христианских демократов, игнорируя своих союзников по правительственной коалиции, блокировалось с правой партией. Так коалиции «левого центра» был нанесен удар в спину. Разразился очередной правительственный кризис, который в конечном счете привел к досрочному роспуску парламента.

В этих условиях выборная борьба не могла не принять исключительно острого и напряженного характера. В ходе ее реакция направила все свои усилия на то, чтобы изменить в свою пользу соотношение сил в парламенте и сместить ось политической жизни Италии вправо. На практике это должно было бы означать подрыв позиций коммунистической партии, устранение из состава правительственного большинства обвиненных «в предательстве» социалистов, «обуздание» левых католических течений и создание более правой, чем прежняя, «центристской» коалиции с участием христианских демократов и либералов. Главным рупором этих идей стали правые лидеры христианско-демократической партии.

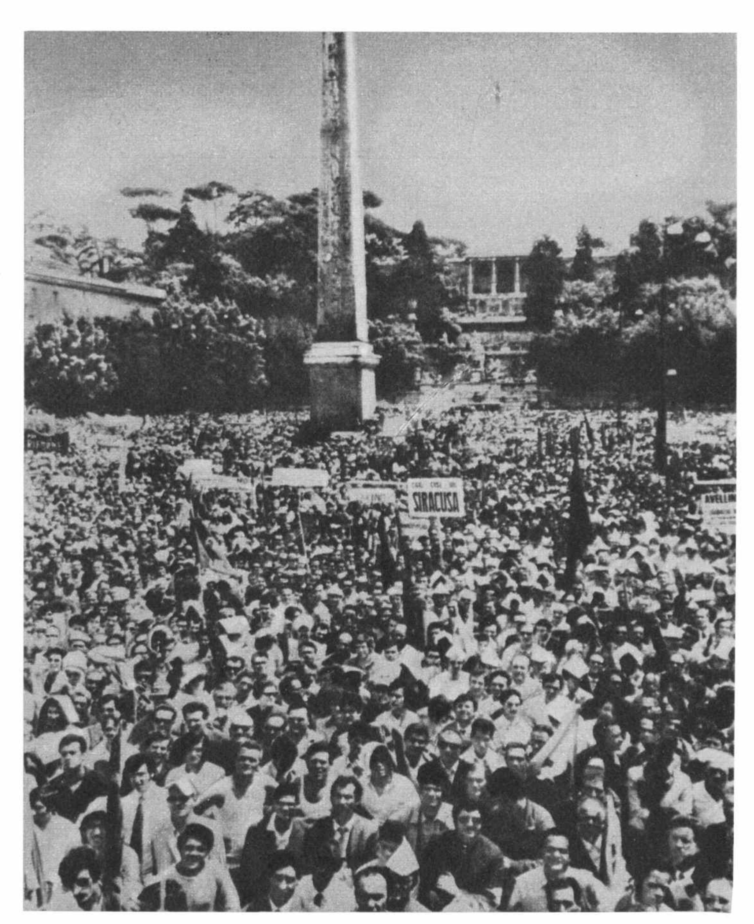
И без того напряженную политическую обстановку еще больше накаляла бешеная деятельность неофашистской партии «итальянское социальное движение», сопровождавшаяся провокациями и бандитскими вылазками членов различных

фашиствующих групп и организаций.

Ведущей силой левого, прогрессивного лагеря страны выступила в предвыборной кампании полуторамиллионная коммунистическая партия. Замыслам реакции она противопоставила свою детально разработанную в марте на XIII съезде программу борьбы за создание правительства демократического сдвига, основанного на союзе трех исторически сложившихся составных частей итальянского народного движения — коммунистического, социалистического и католического. Такое правительство, заявляли коммунисты, действуя в интересах трудящихся масс, осуществляя глубокие социально-экономические преобразования, может открыть перед страной путь к социализму. Коммунисты знают, что борьба за осуществление этой программы предстоит долгая и сложная. Нанесение поражения проискам реакции на выборах должно было явиться шагом вперед на пути ее претворения в жизнь.

И вот выборы позади. Несмотря на мобилизацию всех своих сил, реакции не удалось добиться полного осуществления вынашиваемых ею планов.

Результаты последних выборов свидетельствуют об укреплении позиций Итальянской коммунистической партии в стране. Получив свыше 9 миллионов голосов, что составляет 27,4 процента общего числа избирателей, партия провела в

По всей Италии проходили массовые митинги трудящихся, требовавших создания правительства демократического сдвига.

Фото из журнала «Франс нувель».

использовано правыми кругами в своих политических целях. Рупор махровой реакции «Джорнале д'Италиа» обрушился на «социал-коммунистическую» печать, обвиняя ее в мнимом подстрекательстве к беспорядкам и преступлениям. Секретарь неофашистской партии Дж. Альмиранте заявил: «Красный экстремизм подбросил бомбу на стол переговоров о формировании нового правительства».

Более осмотрительная в подборе выражений печать бывших правящих партий также не преминула выступить в связи с убийством Луиджи Калабрези с призывами к установлению в стране «твердого порядка». В который раз темные преступления служат предлогом для прямых или скрытых обвинений в адрес левых демократических сил.

Между тем перед Италией стоят крупные и не терпящие отлагательств проблемы. Затягивать их решение означало бы только дальнейшее усиление кризисных явлений в стране. На это указывает коммунистическая партия, решительно протестующая против каких бы то ни было «временных» и «переходных» мер. В первые же дни работы нового парламента коммунисты внесли в палату депутатов и в сенат конкретные предложения, направленные на немедленное решение животрепещущих вопросов, связанных как с проведением глубоких социальных и экономических преобразова-

ЯНСКОЕ ЛЕТО

палату депутатов 179 своих кандидатов, получив на два депутатских места больше по сравнению с парламентом предыдущего созыва. Успех компартии тем более очевиден, что он был достигнут в трудной для нее обстановке антикоммунистического похода, организованного буржуазными партиями.

В целом за левые силы было подано на выборах 40 процентов голосов избирателей. Положительных результатов добилась и социалистическая партия, впервые за последние годы выступившая на выборах в качестве оппозиционной силы и обеспечившая себе 61 депутатское место, а также 33 места в сенате.

Смещение вправо политического курса ХДП привело одновременно к несколько неожиданным для ее лидеров результатам. Так, например, часть потенциальных избирателей христианских демократов перешла на сторону республиканской партии. Одновременно с этим потерпела сокрушительное поражение откровенно правая либеральная партия, предназначавшаяся в союзники христианским демократам. В то же время эта перспектива намечавшегося союза вызвала недовольство среди наиболее реакционно настроенной части избирателей, и они переметнулись от либералов к неофашистам. В итоге либеральная партия потеряла десять мест в палате депутатов и восемь — в сенате.

Наиболее пагубно антикоммунистическая кампания правящих кругов, их стремление сместить ось политической жизни страны вправо выразилась в концентрации реакционных элементов вокруг неофашистской партии «итальянское социальное движение». Блокировавшись с монархистами, собрав вокруг себя все силы черной реакции, спекулируя на отчаянии бедствующего населения наиболее отсталых областей страны, неофашисты удвоили свое представительство в парламенте. С 56 депутатами и 26 сенаторами монархо-неофашистский блок не может играть самостоятельной роли в парламенте. Однако нельзя и недооценивать этого нового фактора в политической жизни страны. Выборы показали, сколь опасно заблуждаются те, кто, полагаясь на буржуазно-демократические парламентские институты, считает, будто в Италии уже не существует питательной среды для фашизма.

Подводя первые итоги результатам выборов, наблюдатели отмечали, что правящим кругам не удалось в той мере, как они на это надеялись, повернуть парламент вправо и изменить политическое лицо. Положение в правящем лагере осталось по-прежнему неустойчивым.

Вскоре после выборов произошло событие, вновь показавшее, насколько тревожное и напряженное политическое положение в стране. Среди бела дня в центре Милана был убит начальник политического отдела полиции Луиджи Калабрези. Это убийство, обстоятельства которого до сих пор остаются невыясненными, продолжает и без того длинный список темных преступлений, совершенных в этом крупнейшем промышленном городе Италии за последние годы. Достаточно вспомнить взрывы бомб в здании миланского отделения Сельскохозяйственного банка, унесшие в декабре 1969 года 16 человеческих жизней, и последовавшую за этим загадочную смерть нескольких свидетелей. Возможно, что убийство полицейского комиссара Луиджи Калабрези, имевшего по роду своей служебной деятельности непосредственное отношение к расследованию дела о взрывах бомб, связано с ним одной нитью. Как бы то ни было, это новое убийство было сразу же

ний в области внутренней политики, так и с необходимостью активизации роли Италии на международной арене. Внешнеполитические вопросы, в первую очередь содействие созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества и прекращение войны во Вьетнаме, как указал состоявшийся в последние дни мая пленум Центрального Комитета Итальянской коммунистической партии, приобретают еще большую актуальность в свете положительных результатов, достигнутых на советско-американских переговорах в Москве.

Откладывание всех этих проблем до осени не сулило бы Италии доброго лета. Ближайшее время должно показать, насколько реально оценивают различные политические силы, представленные в парламенте, положение как внутри страны, так и на международной арене. От подхода к ним зависят подлинные национальные интересы самой Италии.

Рим,
по телефону.

СОКОЛ

Алибек ЮСУПОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

Ты спрашиваешь, друг, кто снят на этой фотографии. Генерал со Звездой Героя Советского Союза, без руки — это Аханов Владимир Михайлович. А это Заурбек. Ну, а это, как ни странно, я сам. Не похож? Ну, еще бы, двадцать пять лет прошло, будешь не похож...

Здесь должен бы еще быть и четвертый. Мы с Ахановым звали его Сокол, а Заурбек назвал Ак Гуш, что значит Белая птица. Это был конь. Он и свел нас троих и сделал друзьями.

Как это произошло? Ну, что ж, послушай. Время у нас есть...

Помнишь лето сорок второго? Кто воевал тогда на Северном Кавказе, тот знает, как плохо нам было. Фашисты наступали. Наши части отходили на юг.

Командир соединения приказал мне встретить и расквартировать отступавшую от Дона колонну, которую вел полковник Аханов. Ординарец мой оседлал лошадей, и мы на хорошем аллюре поскакали пыльным шляхом к Дону. По пути попалось большое село, в котором можно было расквартировать колонну, и этот вопрос меня не тревожил. Лишь бы не разминуться с Ахановым, не напороться на немецкий дозор, не сделаться мишенью для летчика-истребителя.

Уже вечерело, когда мы увидели вдали над дорогой длинное облако пыли. То шли наши солдаты. Колонна остановилась, строй рассыпался, и солдаты, сойдя с дороги, повалились на землю.

Подъехав ближе, я спешился, отдал поводья ординарцу и пошел отыскивать командира.

Печальную, сказать по правде, картину видел я. Стояла жара, дышать нечем, а люди шли без роздыху больше суток. Лица серые, худые. Губы черные, в трещинах.

Полковник Аханов сидел на обочине дороги, свесив ноги в кювет. Чуть поодаль на пыльной траве стояла белая, вернее, пыльно-серая лошадь, низко и как-то безнадежно свесив голову, моргая слезящимися глазами. Ее держал в поводу хмурый солдат в выцветшей гимнастерке и стоптанных сапогах.

— Конь дальше идти не может, — сказал солдат, обращаясь к полковнику. Тот его не слышал.

Я обратил внимание, что левая передняя нога у лошади была обернута грязной тряпкой, а поверх тряпки обмотана толстым шпагатом. Жаль было смотреть на это бедное животное. Солдату конь, по всему видать, был ненавистен.

Вокруг уже слышался храп: солдаты спали. Коновод с завистью посматривал на товарищей.

— У, клятая, хоть бы ты сдохла, — сказал он и уздечкой ударил коня. Тот даже не вздрогнул — сил не было.— Да чего ждать? Пристрелить — и с концом...

— Что вы сказали, товарищ Вдовиченко? — тихо переспросил полковник. — Пристрелить лошадь? О какой лошади вы говорите?

До полковника не сразу дошли слова солдата.

Я стоял шагах в десяти. Они меня не замечали.

— Куда ее девать? Вон как ногу разнесло, уже совсем на нее не ступает. Если мы и дальше так будем плестись да с этой клячей возиться, нас немцы опять нагонят, — оправдывался солдат.

— Какую лошадь вы предлагаете пристрелить? — переспросил полковник.

— О какой же говорить, товарищ полковник, если тут одна только наша кляча и есть.

Полковник медленно поднял на него тяжелый взгляд.

— Не ожидал... Как у тебя язык повернулся? Эх, Вдовиченко, Вдовиченко! Ведь она нам с тобой жизнь спасла.

Полковник подошел к лошади, огладил ее, порылся в полевой сумке и достал кусочек хлеба. Мелко накрошил его, поднес ладонь к губам лошади, она вздохнула и, не торопясь, слизала крошки.

Тут я счел момент подходящим, чтобы заявить о своем присутствии. Подозвал ординарца, снял приторороченную к седлу сумку с отрубями, которые мы всегда возили с собой для своих лошадей, и протянул ее полковнику.

Он не удивился и сначала даже не взглянул на меня, а взял сумку так, словно она появилась сама собой. Покормил горемыку и сказал:

— Ну, хватит, Сокол, хватит, тебе много нельзя.

И повернулся ко мне.

— Кто вы?

Я коротко доложил. Он пригласил садиться — тут же, на обочине дороги.

Так я познакомился с полковником Владимиром Михайловичем Ахановым.

Было ясно, что вконец вымотавшимся бойцам до села, которое я выбрал для расквартирования, сегодня уже не дойти, и я послал ординарца в тыл, чтобы он пригнал походные кухни сюда.

Пока Вдовиченко ходил за водой и поил лошадь, мы с полковником разговорились, и я попросил рассказать, каким образом Сокол спас ему жизнь.

— Перед самой войной служил я на границе,— начал он суховато.— Уже неспокойно было, чуть не каждый день приходилось выезжать в части. Возвращался поздно, иной раз под утро. Двадцать первого июня, как обычно, был я в одной из частей. Вечером почувствовал себя плохо, видимо, начинался приступ застарелой малярии.— Он помолчал немного. Воспоминания постепенно захватывали его, и рассказ оживился.— Ну, доложил начальству по телефону, сказал, что занемог. Мне посоветовали остаться ночевать в части, но я решил вернуться домой. Сейчас плохо помню, как добрался. Выпил глоток водки, хины, лег в чем был на диван и заснул, как провалился. Жены и дочери дома не было, они тогда к своим уехали, в село под Харьков.

Первые выстрелы меня не разбудили. Проснулся от какого-то грохота, голова в тумане, ничего не соображаю. Выглянул в окно — немцы на улице... А стрельба уже идет там, на востоке.

Что делать? Один выход — вырваться как-нибудь из города, добраться до леса, а там уж своих найду...

Видимо, я действительно плох был: иду к двери, а меня шатает.

Осторожно высунулся во двор. И, знаете, чуть не закричал от радости: у крыльца стоит мой Сокол под седлом. То ли я накануне забыл отвести его в конюшню, то ли ординарец мой по тревоге прискакал ко мне, а его убили... Не помню.

С великим трудом забросил я в седло свое немощное тело, а поводьев и разобрать не могу. Сокол без всяких понуканий рванул со двора галопом. А я уцепился обеими руками за луку и болтаюсь, как продырявленный мешок с песком. Со стороны посмотреть — мертвец в седле, да и только. Думаю, потому немцы и внимания не обращали. Только уж на самом выезде из города какой-то фашист замахал руками, встал на нашем пути, схватился за автомат. Я к тому моменту немного очухался, начал было расстегивать кобуру, да только ни я, ни тот фашист выстрелить не успели — сбил его Сокол на полном галопе. Наверно, черепок в куски... Ну, а километрах в десяти от города нагнал я своих...

За беседой время летит быстро, мы и не заметили, как сумерки сгустились, на безоблачном небе стали зажигаться звезды, с гор стекал приятный прохладный воздух. Стало легче дышать. Котлы походных кухонь давно опустели, и бойцы спали после сытного ужина.

Полковник от еды отмахнулся. Мы сидели, курили, слушая, как вздыхает время от времени бедняга Сокол.

— Вы сказали, он и Вдовиченке спас жизнь... — прервал я наше печальное молчание.

— А-а... — откликнулся полковник.— Это уже на Дону было. Дело простое. Прижали нас немцы к реке. Переправу я наладить успел, отправили мы с Вдовиченко последний плот с пулеметами, а сами о себе в горячке забыли... И Сокол с нами. Ну, приказываю ординарцу плыть, а он говорит: я плавать не умею. Прикрытие-то у нас есть — пулеметы с плота ведут по немцам плотный огонь, но как прикажете переправляться?.. Сняли с Сокола седло, ухватились с двух сторон за холку, вошли в воду — и поплыли, как на хорошем буксире. И вся история...

Совсем стемнело. Вернулся мой ординарец, привез в большом бидоне воду и пузырек йоду. Сокол лежал, неуклюже вытянув раненую ногу. Аханов погладил его и ласково сказал:

— Сейчас тебе легче будет, дружок, потерпи немного.

Он размотал тряпку. На ноге, чуть ниже колена, кость была оголена.

— Где его так? — спросил я.

— После переправы, при бомбежке, осколком.

Аханов промыл рану, сделал небольшой надрез на опухоли, залил все йодом и наложил чистую повязку.

Мы опять сели. Было тихо. Монотонный звон цикад не нарушал тишины, только клонил в сон.

— Что думаете делать с конем? Завтра будем на пункте формирования, а дня через два-три снова на фронт, — сказал я.

— Не знаю. Придется оставить где-нибудь. Вернусь с войны — заберу.

— Я родом из этих мест. Тут недалеко село

есть, друг мой живет, большой любитель лошадей. Можно его попросить...

Так вот и получилось, что однажды утром мы с Ахановым и с целой оравой сельских ребятишек привели Сокола на двор к моему другу Заурбеку. Он, конечно, удивился, но когда Аханов изложил свою историю, Заурбек все понял. Горец не может отказать гостю в такой просьбе. Да к тому же, говорю, Заурбек очень любил лошадей.

А через день мы зашли к Заурбеку попрощаться. Сокол чувствовал, что происходит, и всю душу выжгло мне это прощание.

Поглаживая Сокола за ухом, Аханов сказал мне:

— Если не вернусь, возьмите его себе.

— Ну что вы, Владимир Михайлович, еще сами сядете в седло.

Заурбек не выдержал, разрядил обстановку:

— Ему сколько?

Аханов прикинул в уме:

— Служили мы вместе восемь лет, ко мне он попал двухлеткой — значит, одиннадцатый год... — И вдруг улыбнулся. — Знаете, у него есть одна особенность... Я ведь раньше командовал кавалерийской частью. Командирский конь всегда впереди. И вот он, чертенок, привык, не может быть вторым — обязательно надо обогнать...

На том мы и распрощались с Заурбеком.

Потом фронт. Меня ранило, попал в госпиталь и совсем потерял Аханова из виду. Заурбеку я писал, но ни разу не получил от него ответа.

В госпитале у человека времени много, обо всем передумаешь, все вспомнишь. И частенько думал я о Соколе: как-то он там прижился? И решил, когда дали отпуск после лечения, обязательно заехать к Заурбеку, благо это недалеко от моего родного села, где ждала меня мать.

...Заурбек встретил меня радостно, но заметил я у него в глазах какую-то тревогу. Зовет к столу, угощает и все говорит, говорит. С чего это, думаю, такой болтливый стал мой скупой на слова товарищ? Обо всем переговорили, а об Аханове и Соколе он ни гугу. Я же знаю, он за хорошего коня полжизни отдаст, и поэтому соображаю так: наверно, решил, что я за Соколом явился, вот и дипломатничает. А отсюда вывод: значит, жив Сокол. Чтобы успокоить Заурбека, я сказал, что скоро снова уезжаю на фронт. И его словно подменили, он не мог скрыть своей радости. Оставалось только подождать, пока сам не покажет мне Сокола.

Когда выходили из-за стола, Заурбек небрежно, словно это меня вовсе не касается и не интересует, сказал:

— Иду на пастбище. Хочешь подышать свежим воздухом?

За селом дорога медленно поднималась в гору, потом начался луг. Густая трава, полевые цветы... И на другом конце этого яркого живого ковра паслись вольные кони. Выделялся один белый, крупный, длинная шея, маленькая сухая голова. Заурбек крикнул: «Ак Гуш!» Потом вложил пальцы в рот, как озорной мальчишка, и пронзительно свистнул. Белая лошадь, словно птица, понеслась к нам. Она подбежала к Заурбеку, стала ласкаться. Это был Сокол, но как же трудно узнать его! И почему Заурбек назвал совсем другое имя?

— Не конь, а сказка, — сказал Заурбек. — Никому чужому не дает себя седлать.

— Почему ты называешь его Ак Гуш? Ведь это Сокол...

— Не я придумал. Дети его так назвали. Они мне его и выходили. А ведь и правда похож на белую птицу, а? Сядешь в седло, пустишь галопом — летишь над землей. Меня еще ни разу никто не обогнал. Но ему это все труднее дается, стареет Сокол...

Весь вечер у нас только и было разговору, что об Аханове да об Ак Гуше — теперь и я стал Сокола называть Ак Гушем, что значит Белая птица. А уже укладываясь на ночь, Заурбек сказал:

— Если бы конь был мой, то по обычаю горцев я должен был бы подарить его тебе. Ты гость, конь тебе понравился. Но его хозяин не я, ты это знаешь. Хвали, не хвали — я тебе его не подарю. Тем более ты опять на фронт... Так что можешь не восхищаться...

Кончилась война. Вернулся я домой, женился. Меня избрали председателем колхоза. Работы в ту пору было много — все разрушено. Крутился я из последних сил. Но однажды получил телеграмму от Заурбека — очень просит приехать.

Выкроил день, приезжаю. У него в гостях Аханов. Без руки, со Звездой Героя Советского Союза и в генеральских погонах. Обнялись, расцеловались. Всю ночь, конечно, не спали, ворошили старое, вспоминали фронтовые дороги, бои, друзей.

Я был уверен, что Аханов приехал за Соколом, но он сказал:

— Нет. Сейчас я живу в Киеве. В городе мне его просто негде держать. У Заурбека ему хорошо, пусть и доживает здесь.

Надо ли говорить, как славно провели мы вчетвером тот денек! И сфотографироваться успели, да вот одно жаль: не попал на эту карточку Сокол. Перед тем как прийти фотографу, Заурбек велел своему сынишке согнать коня на дальний луг — попастись.

А через два года прислал мне Заурбек письмо. Грустное письмо. Поехал он однажды утром на Ак Гуше. Конь чувствовал себя хорошо, бежал бодро. Когда начался подъем, далеко впереди, почти у вершины горы, Ак Гуш увидел другую лошадь. Закусив удила и не слушаясь поводьев, он пустился в карьер и уже через минуту-другую весь был в пене. Осадить его было невозможно. Лошадь он все-таки догнал и обогнал. И тут же свалился замертво...

Вот какая история, друг, у этой старой фотографии.

ВЫХОДНЫЕ ВХОДЫ

Фельетон

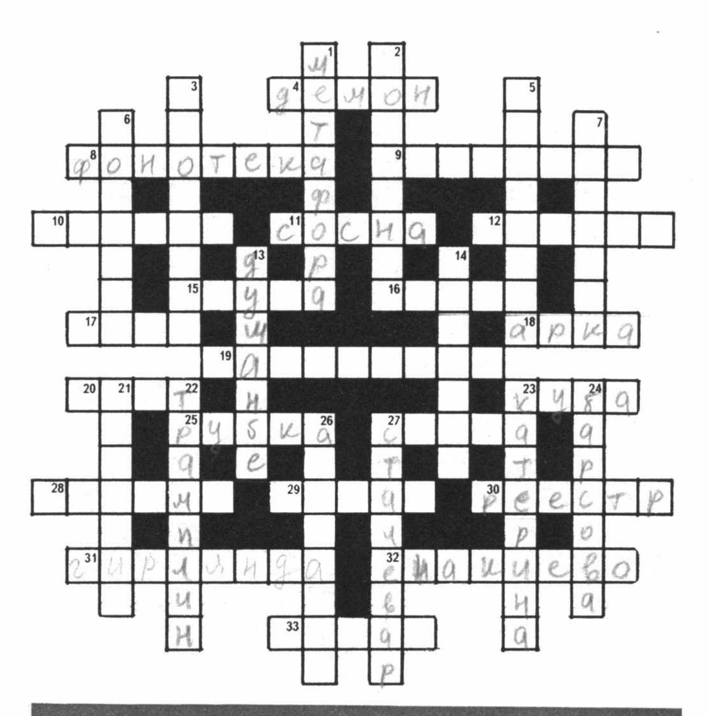
Михаил ВЛАДИМОВ

Дверь
Дверью называется
За то,
Что открывается.
А коль всегда закрыта дверь,
Ты в то, что это дверь,
Не верь!

Я знаю здание одно.
На зданье вывесок полно:
«Главмаш»,
«Машсбыт»,
«Сбытпром»,
«Промсклад»...
Его фасад —
Дверей парад,
Массивных,
Важных,
Расписных.
Но... постоянно выходных!
Есть с хода черного —
Одна:
За всех работает она!
И утром —
В девять без пяти —
В нее не пробуйте пройти:
Поток, как в берег,
Бьет в косяк.
Ему тесно,
Ему узко.
Он в эту дверь не лезет,
Как
Верблюд в игольное ушко
Трещат застежки,
Рукава
(Дверь проверяет
Прочность шва).
Водоворот —
И за углом,
Где вход
На станцию метро:
У первой двери —
Гвалт, содом.
У остальных шести
Мертво!
И на вокзале
Заперт вход.
С вещами тащатся
В обход —
На поезд,
Что уйдет
Вот-вот...

Уф!
Наконец иссяк поток.
И пройден «пик».
И вот итог:
Ушел состав полупустой...
В театр пришли на акт второй...
Отдел на службу опоздал...
Продмаг с финпланом
Пострадал...

Где ж выход?
Есть он:
Поскорей
Избавиться от лжедверей!
Дверь
Дверью называется
За то, что открывается.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Опера А. Г. Рубинштейна. 8. Собрание, архив звукозаписей. 9. Роман Д. Олдриджа. 10. Строительный материал. 11. Хвойное дерево. 12. Персонаж комедии А. Н. Островского «Последняя жертва». 15. Река в Колумбии. 16. Хищная птица. 17. Самая яркая звезда северного полушария неба. 18. Дугообразное перекрытие. 19. Спортивная игра. 20. Мера веса в различных странах. 23. Государство в Центральной Америке. 25. Надстройка на палубе судна. 27. Ритмическая единица стихотворной речи. 28. Остров в Балтийском море. 29. Искусственный камень. 30. Опись, перечень. 31. Украшение из цветов и зелени. 32. Город в Донецкой области. 33. Рыба семейства карповых.

По вертикали: 1. Образное выражение понятий. 2. Повесть А. И. Куприна. 3. Болгарская разменная монета. 5. Игрушка. 6. Французский писатель-комедиограф. 7. Полевой цветок. 13. Столица союзной республики. 14. Советский авиаконструктор. 21. Музыкант оркестра. 22. Приспособление для прыжков. 23. Картина Т. Г. Шевченко. 24. Певица, народная артистка СССР. 26. Растение семейства бобовых. 27. Рабочий металлургической промышленности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 5. Георгин. 8. «Старик». 9. Картер. 10. «Хованщина». 11. Стетоскоп. 13. Сцена. 14. Диорама. 17. Франция. 19. «Мизантроп». 22. Шаланда. 24. Ашхабад. 26. Оскол. 28. Диатоника. 29. Комбайнер. 30. Кодекс. 31. Логика. 32. Экспорт.

По вертикали: 1. Меринос. 2. Пилотка. 3. Стронций. 4. Бионика. 6. Находка. 7. Демокрит. 12. Зеленушка. 15. Рифма. 16. Афиша. 17. Флора. 18. Ньяса. 20. Гарнизон. 21. «Баядерка». 23. Ножовка. 25. Хабаров. 26. «Осколки». 27. Леопард.

На первой странице обложки: Николай Михайлович Горохов руководит поисковым отрядом Батуобинской экспедиции в Якутии.

Нижнее фото: Этот алмаз, весящий 34,5 карата, назвали «Огоньком».

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: В доме лесника обитает целое собачье семейство.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/VI-72 г. А 00693. Подп. к печ. 20/VI-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1380. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 3063.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

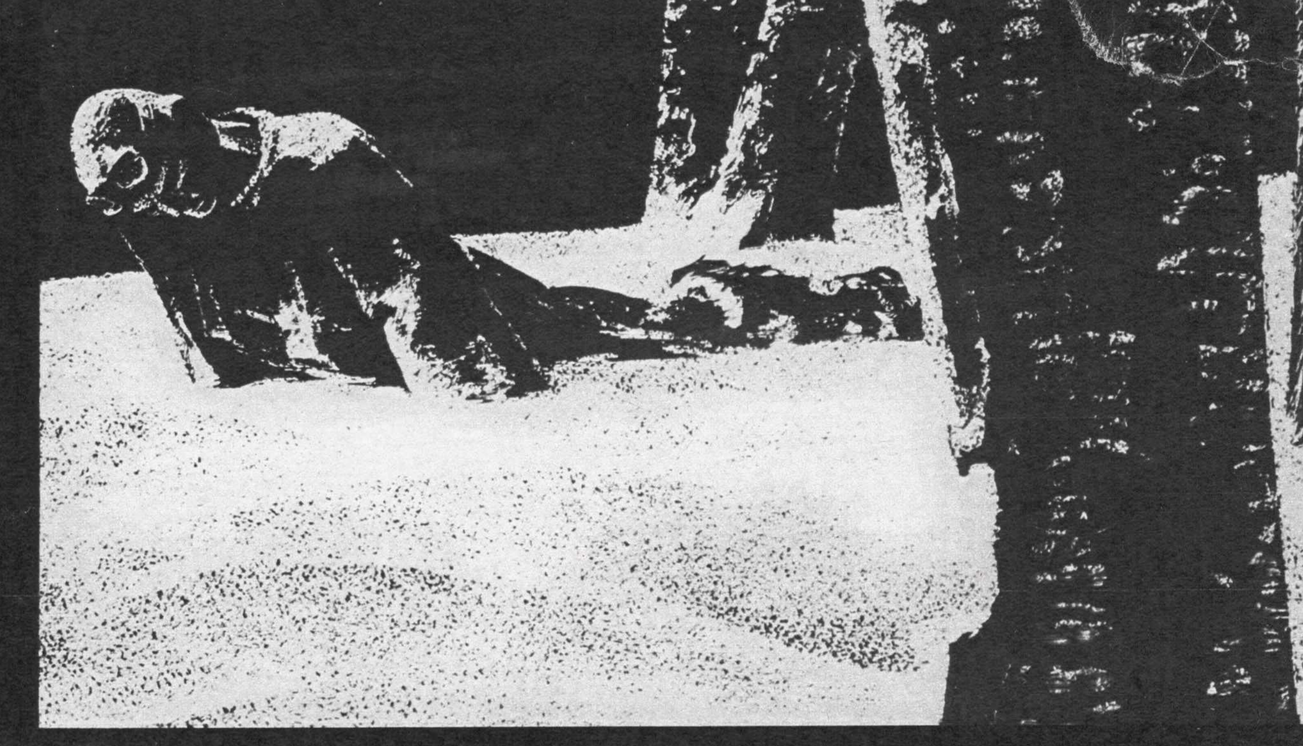
Еще шаг...

«Повесть о настоящем человеке». Кто не знает этой замечательной книги Бориса Полевого, рассказывающей о подвиге и беспримерном мужестве советского человека!

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» готовит к выпуску в свет повесть Б. Полевого о героелетчике Алексее Маресьеве. В числе любимых книг советской молодежи — «Овод» Э. Войнич, «Спартак» Р. Джованьоли, «Как закалялась сталь» Н. Островского.

ПОДВ

Эти три издания вышли с рисунками Саввы Бродского. Художник выполнил иллюстрации и к «Повести о настоящем человеке», воссоздающие самые яркие ее страницы, выразительно дополняя текст книги. Эта новая работа С. Бродского, исполненная поэзии, простоты и правды, в лаконичных и эмоциональных графических образах утверждает идею, которая как бы объединила произведения четырех разных авторов: достойным наследником борцов за свободу стал советский человек—герой, солдат.

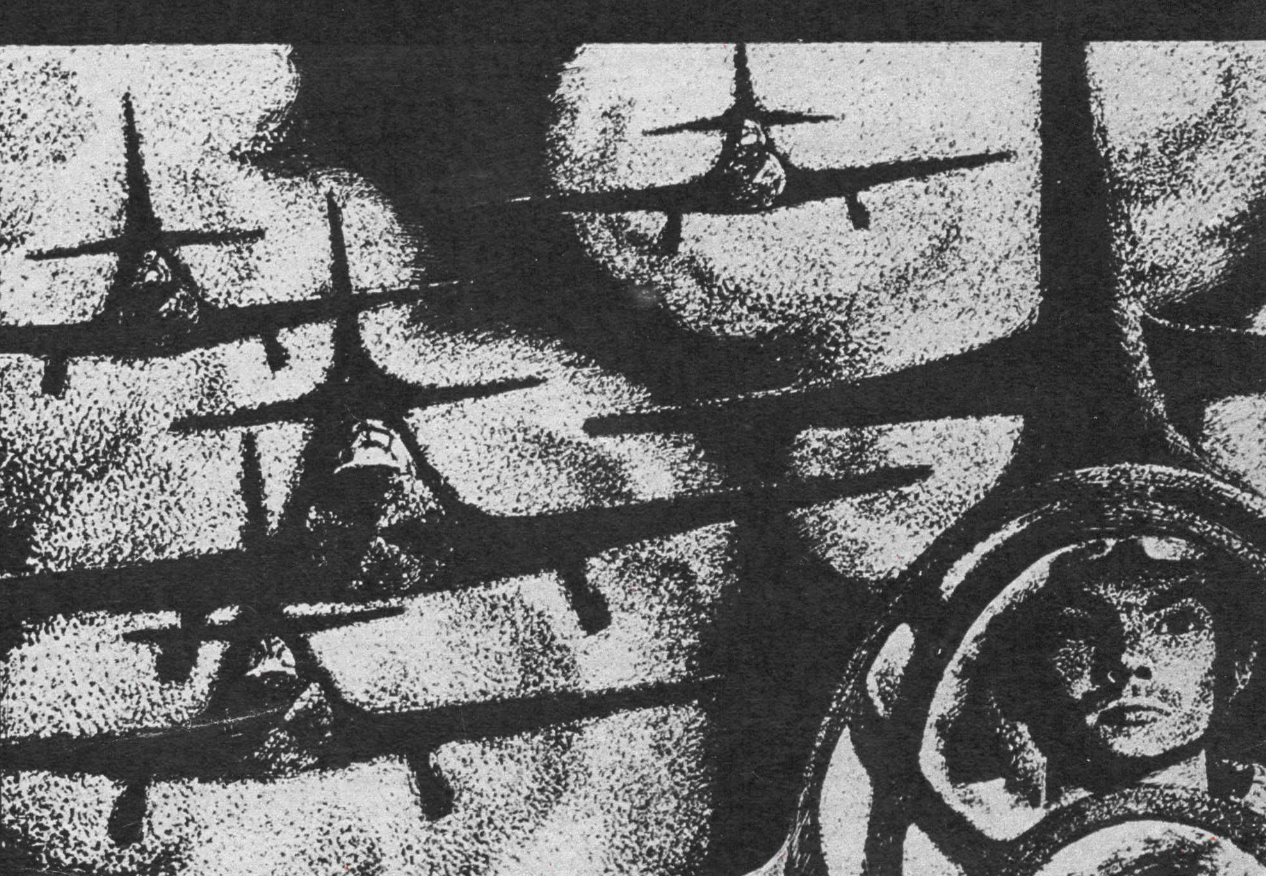

К своим.

Пошел!

Снова в строю.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663